

Глава 2. Легенды и гипотезы о происхождении Москвы. Гидронимы северо-востока Москвы. О чём молчит история?

Легенды и гипотезы о происхождении Москвы.

Топоним слова «Москва», как и гидроним одноименной реки до сих пор остается загадкой. Археологи, историки и лингвисты приводят лишь более или менее верные гипотезы и легенды. Причём учёные эти часто даже не берут во внимание яфетическую родственность древних языков, а следовательно и народов. Или не хотят принимать во внимание их миграцию.

Моё же мнение следующее. Из существующих легенд я приверженец пробиблейской (мосоховской), а из гипотез сторонник поморско-балто-славянского происхождения, точнее поморско-западнославянского. Поскольку вятичи пришли оттуда (т. е. были роду ляхеского) и с балтами находились если не в тесном генетическом, то точно в лингвистическом родстве.

Давайте посмотрим какие легенды и гипотезы о происхождении слова «Москва» существуют? В отличии например от археологов, которые входят в непосредственный контакт с прошлым и историков приводящих только летописные факты, лингвисты работающие над разгадкой слова Москва находятся в сложном положении.

Начнём с легенд. Легенды — народные повествования ключевых или героических событий истории. Они могут быть фантастическими, неточными, часто много переиначенными. Но они не теряют своей сути. Из них рождаются гипотезы.

Легенда о Мосохе и его жене Кве.

Существует такая легенда о том, что в названии Москвы-реки запечатлелись имена библейского Мосоха, внука Ноя и сына Афета, и его жены Квы — потомками Мосоха якобы были заселены земли от Вислы до самого Белого озера: «Той ибо Мосох по потопе лета 131, шедши от Вавилона с племенем своим, абие во Азии и Европе, над берегами Понтского или Черного моря, народи Мосховитов от своего имени и осадил: и оттуда умножашуся народу, поступая день от дне в полунощныя страны за Черное море, над Доном и Волгою рекою... И тако от Мосоха праотца Славенороссийского, по последию его, не токмо Москва народ великий, но и вся Русь или Россия вышенареченная призывде...». Самое подробное многостраничное описание деталей этой легенды об имени Москвы-реки, произошедшем от Мосоха, содержится в книге известного русского публициста и историка Петра Паламарчука «Москва или Третий Рим».

Легенда о предсмертных словах Ильи Муромца.

Существующие народные этимологии названия Москва часто пытаются

осмыслить, интерпретировать поэты и писатели, придавая им форму поэтических легенд, сказаний. В книге Дм. Еремина «Кремлевский холм» есть такое былинно-поэтическое объяснение:

«...Постаревший и облысевший Илья Муромец, некогда могучий богатырь и гроза врагов земли русской, возвращается из Киева домой. В пути его настигает смерть. Илью Муромца хоронят в высоком кургане на берегу большой реки. И тут из кургана слышатся слова:

Будто вздох прошел: «надо мощь ковать!»
И второй дошел — только «мощь кова..
И третий раз дошел — только «Мос...кова».
Так и стала зваться река: Москва».

Теперь попробуем рассмотреть наиболее известные и аргументированные гипотезы о происхождении слова Москва. Какой народ и какое племя дало название Москве-реке и Москве-городу?

Гипотезы эти можно разделить на три группы:

1. **Яфетические.** Вышедшие из легенд и доходящие порой до абсурда.
2. **Финно-угорские.**
3. **Балто-славянские.**

Группа 1. Яфетические гипотезы.

Мосхо-кавказская гипотеза. В двадцатые-тридцатые годы XX века под влиянием модного тогда учения (яфетической теории Н. Я. Марра) были предприняты попытки объяснить корень **моск-** на иной основе. Известный советский академик Л. С. Берг высказал предположение о гибридном происхождении названия *Москва*: элемент **-ва**, по его мнению, принадлежит финно-угорской языковой среде, а корень **моск-** связан с названием кавказского народа *мосхов* и имеет общее происхождение с такими этнонимами (названиями народов, народностей, племен), как *абхаз* и *баск*. В доказательство этого Берг не провел никакого лингвистического анализа, а основывался только на внешнем сходстве привлеченных им слов с гидронимом *Москва*, преимущественно на сходстве в звучании слов *моск* и *мосх*. Он не нашел, да и не мог найти, ни одного исторического факта появления этого южного племени в бассейне Москвы-реки.

Последователи этой гипотезы довели ее до курьеза. В 1947 году историк Н. И. Шишкин высказался в том смысле, что оба компонента (и **моск-** и **-ва**) принадлежат так называемым яфетическим языкам, что якобы дает возможность толковать значение гидронима *Москва* как «река мосхов» или «племенная река мосхов», однако не привел ни одного нового аргумента, ни одного нового лингвистического или исторического факта.

Ирано-скифская гипотеза. Результатом увлечений экзотикой были попытки объяснить слово Москва на основе языков тех народов, что живут или жили весьма далеко от бассейна Оки.

Академик А. И. Соболевский в начале XX века пытался доказать, что слово Москва — ирано-скифского происхождения. Он высказал предположение о том, что топоним (гидроним) происходит от авестийского слова ама «сильный». Авестийским называют язык древнеиранского памятника Авеста, в основе которого лежит одно из восточноиранских наречий XI—VII веков до нашей эры (скифские племена действительно говорили на иранских наречиях). Позже в авестийский язык проникли некоторые западноиранские элементы, например парфянские, мидийские. Однако и у этой гипотезы есть целый ряд слабых мест. Во-первых, скифские ираноязычные племена на территории современного Подмосковья и шире — в бассейне Москвы-реки — никогда не жили. Во-вторых, в этом районе нет больше рек, названия которых имели бы аналогичные значения и тот же способ образования. В-третьих, налицо серьезное противоречие и в принципе называния, в мотивировке. А. И. Соболевский считал, что на основе упомянутых иранских корней название Москвы-реки можно истолковать как «река-гонщица». Но подобная мотивировка гидронима абсолютно не соответствует тихому и спокойному течению равнинной реки (а Москва-река именно такова), особенно если сравнить ее с хорошо известными скифам горными реками.

Группа 2. Финно-угорские гипотезы.

Интерпретация названия *Москва* как слова, принадлежащего одному из языков финно-угорской языковой семьи, была одной из первых гипотез и имела много сторонников. Обращение исследователей к языкам этой семьи логично, поскольку археологически (в результате раскопок поселений, в частности, городищ и селищ дьяковской культуры раннежелезного века, в основе своей являющейся финно-угорской) вполне объективно доказывает, что на определенном историческом этапе в бассейне Москвы-реки жили племена, говорившие на языке финно-угорской языковой семьи.

Выдвигая такое объяснение названия Москва, обычно исходят из того, что гидроним легко членится на два компонента: **моск-ва**, подобно названиям северноуральских рек типа *Лысь-ва*, *Сось-ва*, *Сыл-ва*, *Куш-ва* и другим. Элемент **-ва** легко объясняется во многих финно-угорских языках (например, в мерянском, марийском, коми) как «вода», «река» или «мокрый». Объяснение же основного компонента **моск-** вызывает у финно-угроведов серьезные затруднения. Точно он не может быть выведен ни из одного из финно-угорских языков. А приблизительно — из многих и по-разному.

Гипотеза языка коми моска - «корова». Из коми языка **моск-** можно объяснить, связав его со словами *моск*, *моска*, что значит «корова, телка». Не удивляйтесь: подобный принцип названия не раз встречается в топонимии — и не только в нашей стране. Вспомним знаменитый Оксфорд в Англии или город Оксенфурт в Баварии, оба этих топонима означают «бычий брод». Предположение, связывающее слово *Москва* со словом *моска* из

языка коми, горячо поддержал известный русский историк В. О. Ключевский, что придало гипотезе особую популярность. Однако скоро несостоятельность объяснения гидронима Москва из коми языка стала явной: коми никогда не жили на территории, близкой к течению этой реки. К тому же между северноуральским ареалом рек на **-ва** и московским ареалом (Москва, Протва, Смедва и др.) на протяжении нескольких тысяч километров аналогичных по структуре названий не встречается.

Гипотеза языка мери маска-ва - «медведица -мать». Географ С. К. Кузнецов, владевший многими финно-угорскими языками, предложил объяснить **моск-** через мерянское слово *маска* «медведь». А элемент **-ва** как *ава*, что значило по-мерянски «мать, жена». Получалось, что Москва-река — это Медвежья река или река Медведица, причем это название, вероятно, должно было носить тотемный характер — быть связанным с символом большого рода древних мерян. Историческая основа для такого предположения есть. «Повесть временных лет», самая древняя русская летопись, указывает, что в середине IX века народ меря проживал в восточной части Подмосковья.

Однако и такая гипотеза имеет слабые места. Во-первых, в качестве аргумента она использует данные современных марийского и мордовско-эрзянского языков. Но ведь марийское *маска* «медведица» по своему происхождению на самом деле отнюдь не марийское. Перед нами — русское слово *мечка* «самка медведя». Попавшее к марийцам только в средневековье, в XIV—XV веках, и переделанное в *меска-маска*. Во-вторых, при работе с картой бросается в глаза отсутствие гидронимов на **-ва** в непосредственной близости от Москвы. Почему же наименование *Моск-ва* на данной территории осталось одиноким? Это противоречит общему правилу: практика научных наблюдений убедительно доказывает, что народ, живший на какой-то территории, оставляет после себя целый комплекс однотипных названий рек. Итак, версия о Москве-реке как Медвежьей реке, реке Медведице, также оказывается не лишенной серьезных просчетов.

Гипотеза языка суоми моск-ва - «мутная вода». Существует и третья версия о финно-угорском происхождении названия Москва. Она заключается в том, что компонент **моск-** объясняется из прибалтийско-финских языков (суоми), а компонент **-ва** из коми языка: **моск-** как *муста* «черный, темный», **-ва** как «вода, река». Однако ее непоследовательность состоит уже в том, что каждая часть названия объясняется из разных языков, удаленных друг от друга. Если бы название принадлежало суоми, то вторая его часть была бы не *ва*, а *веси* «вода» или *йоки* «ручей, река». Тогда в переводе Москва-река означало бы «черная река», «мутная река» или «темная река». Кстати говоря, названия рек по темному цвету их воды не только известны, но и достаточно распространены в бассейнах многих больших рек. В бассейне Оки есть реки Грязная, Грязнуха, Мутня, Мутенка, Темная. А в бассейне Днепра — реки Грязива, Грязна, Мутенька, Темна.

В общем, ни одна из финно-угорских гипотез не учитывает всех лингво-исторических условий возникновения названия Москвы-реки. И сейчас у них

очень мало сторонников.

Группа 3. Балто-славянские гипотезы.

Аргументация гипотезы (в наиболее серьезных ее вариантах) о славянском происхождении названия Москвы-реки выглядит, на первый взгляд, более убедительно. В основе этого предположения лежит серьезный лингвистический анализ, проведенный опытными учеными, а также реальные исторические факты. Правда, славянских гипотез о возникновении названия *Москва* много, и степень их обоснованности разная. Некоторые из них не выдерживают элементарной критики, поскольку находятся на грани «народных этимологий», случайных предположений, основанных на чисто внешнем сходстве слов и на переосмыслении по аналогии.

Наиболее убедительные славянские этимологии были предложены известными лингвистами С. П. Обнорским, Г. А. Ильинским, П. Я. Черных, польским славистом Т. Лер-Сплавинским. Суть их доводов сводится к следующему.

Гипотеза славянская «мозглое сырое место». Название *Москва* утвердилось, по-видимому, лишь в XIV веке. Первоначально город именовался несколько по-иному — *Москы*. Слово склонялось по типу слов *бука* «буква», *тыка* «тыква», *свекра* «свекровь» и т. д., без элемента **-ва** в форме именительного падежа. Корень **моск-** в древнерусском языке имел значение «вязкий, топкий» или «болото, сырость, влага, жидкость», причем **-ск-** могло чередоваться со **-зг-**. В этот ряд встает современное выражение *промозглая, мозглая погода* «мокрая, дождливая погода». Так считал Г. А. Ильинский.

П. Я. Черных сделал предположение о диалектном характере слова *москы* еще в раннем историческом периоде языка восточных славян. Ученый считал, что это слово использовали славяне-вятичи. У кривичей в тех же значениях ему соответствовало слово *вълга*, которое, как считают некоторые ученые, легло в основу названия великой русской реки Волги. То, что слово *москы* по своему значению связано с понятием «влага», имеет подтверждение в других славянских языках. Это название рек: *Mozgawa* (или *Moskawa*) в Польше и Германии; *Московка* (или *Московица*) — приток реки *Березины*; ручей *Московец* и многочисленные балки *Московки* на Украине. В словацком языке встречается нарицательное слово *moskwa*, значащее «влажный хлеб в зерне» или «хлеб, собранный с полей в дождливую погоду».

Гипотеза латышская. В литовском языке существует глагол *mazgoti* «мыть, полоскать», а в латышском языке — глагол *moskat*, что значит «мыть». Все это говорит о том, что название *Москва* может быть истолковано как «топкая, болотистая, мокрая». Именно такой могли увидеть

реку наши предки, давшие ей название на основании признака, который для них имел существенное значение.

Предполагается, что река получила свое имя в самых верховьях, где до сих пор встречаются заболоченные участки. Вытекает Москва-река из некогда топкого болота, получившего название Московская (Москворецкая) Лужа. В старинном издании с необычным названием — «Книга Большому Чертежу» 1627 года, — поясняющим карту земли Российской, есть такие строки: «А Москва-река вытекла из болота, по Вяземской дороге, за Можайском, верст тридцать и больше».

Гипотеза славянская переправа - «мостки». Некоторые гипотезы о славянском происхождении гидронима *Москва* находятся на очень низком уровне научного обоснования. Например, З. Доленга-Ходаковский еще в начале XIX века выступил с версией, согласно которой река Москва имеет в основе своего названия слово *мостки*, то есть это — «мостковая река», иначе говоря — река с большим количеством мостков. Это — несерьезная и противоречащая законам языка, традициям русской топонимии гипотеза. К сожалению, такое заблуждение повторено и в трудах известного историка Москвы И. Е. Забелина.

У версии о славянском происхождении гидронима *Москва* есть свои изъяны, свои слабые стороны. Сторонники этой гипотезы подходили и подходят к названию *Москва* как к обычному слову, не учитывают исторических условий его появления именно в форме названия, не берут в расчет его культурно-историческое значение. Исследователи исходят из предположения о том, что Москва-река не имела названия до прихода сюда славян. В действительности же могло быть иначе.

Как показывают находки археологов, славянские племена появились в бассейне Москвы-реки не раньше второй половины I тысячелетия нашей эры. Но эта территория была заселена — и сравнительно плотно! — еще в III—II тысячелетиях до н. э. предками финно-угорских племен. В бассейне Москвы-реки археологами обнаружено много памятников и более поздних — фатьяновской и волосовской — культур. По всему этому региону вплоть до середины II тысячелетия до н. э. жили и племена дьяковской культуры, генетически со славянами не связанной.

Славяне, пришедшие на эту территорию, видимо, приняли, несколько переиначив, то название, которое река уже имела (как и множество других названий в бассейне Москвы-реки и соседних с ней крупных рек). Причем усвоили эти гидронимы в устной передаче тех, кто жил здесь до прихода славян. Тут и названия с балтскими корнями, такие как Руза, Нара, Истра, Горетва, и названия с угро-финскими корнями, такие как Икша, Воря, Колокша, Пахра.

Сторонники славянской гипотезы в качестве аргументов привлекали, в частности, материалы балтийских языков — литовского и латышского, находя в них много сходного с русским и другими славянскими языками. Это

заставило некоторых ученых проанализировать целый ряд географических названий именно с точки зрения существовавшего некогда балто-славянского языкового единства — периода особых балто-славянских языковых контактов, происходивших до I тысячелетия до н. э. В число таких названий попало и речное имя, гидроним *Москва*. Гипотезу эту предложил известный российский ученый-лингвист, академик В. Н. Топоров. Он детально обосновал ее с точки зрения языковедения в статье "Baltika Подмосковья» и дал своей версии новое развитие — уже в историко-культурном аспекте — в статье «Древняя Москва в балтийской перспективе». Обе эти работы адресованы специалистам и широкому читателю известны мало. Поэтому познакомлю вас с основными идеями академика В. Н. Топорова.

Во-первых, ученый полагает, что элемент **-ва** в названии *Москва* нельзя рассматривать только как часть нарицательного слова *москы*, его окончания, появлявшегося при склонении. Это элемент, по мнению В. Н. Топорова, был составной частью структуры самого названия: его нельзя связывать лишь с финно-угорским словом, которое соотносится с термином из коми языка **ва**, то есть «вода», «река» и т. д. Ученый привлекает внимание других исследователей к тому, что наименование рек с компонентом **-ва** известны не только далеко к востоку и северо-востоку от Москвы (в частности — у народа коми), но и в самой непосредственной близости от столицы — к западу от нашего города, в Верхнем Поднепровье и в Прибалтике. Название Москвы-реки действительно входит в такой «западный» ареал речных имен. Взглянем на карту. В бассейне Оки, к западу от места впадения в нее Москвы-реки, известны такие гидронимы, оканчивающиеся на **-ва**, **-ава**, как Нигва, Коштва (Кожества), Измоства, Протва (Поротва), Хотва, Большая Смедва (Смедведь), Малая Смедва, Шкова (Шкава), Локнава (Большая Локнава) и некоторые другие. Это, согласно мнению академика В. Н. Топорова, дает основание сблизить гидроним *Москва* именно со словами из балтийских языков.

Во-вторых, в самом славянском корне **моск-** ученый не только устанавливает его общность с балтийским корнем *mask-*, но и обнаруживает их более глубокие структурные и смысловые связи. В частности, оказывается, что последний согласный звук этого корня обладает широким набором вариаций — как в балтийских языках, так и в славянских. Например, в русском это — *моСК*, *моЗГ* (*моЖ*), *моЩ* (*моСТ*); в балтийских — *maSK*, *maZG*, *maST*, *maK*. Кроме того, все эти группы вариантов обладают близкой семантикой, то есть сопоставимыми значениями, смыслом слов. И в русском, и в балтийских языках они связаны с понятием «жидкий», «мягкий», «слякотный», «гнилой», а также с понятиями «бежать», «убегать», «идти» плюс «бить», «ударять», «постукивать». (Например, в словаре Владимира Даля есть интересное русское слово *москотать* — «стучать», «долго все постукивать», *мозгонуть* — «сильно ударить»). Эти и другие факты позволили академику В. Н. Топорову сделать вывод о том, что речь идет об определенной балто-славянской параллели: формально близкие комплексы слов, корней в двух группах языков обладают кругом так или иначе связанных друг с другом приблизительно одинаковых значений.

Эта версия объясняет оба компонента названия, чего нет в других гипотезах. Получается, что слово, которое легло в основу гидронима *Москва*, принадлежало к лексическому пласту, сформировавшемуся, вероятно, еще в I тысячелетии до н. э.

Название *Москва*, по версии академика В. Н. Топорова, следует связывать с широким кругом значений, которые могли быть реальным признаком реки (как у озера Глубокого или Черного, с торфянистой, непрозрачной рекой, или у речки Каменки с каменистым дном), — с представлениями о чем-то жидком, мокром, топком, слякотном, вязком. Иначе говоря, топоним Москва-река можно «переводить» как «*слякотная река*», «*болотистая река*», «*река с топкими берегами*» и т. д. Такова она и была на самом деле в своих верховьях: географы скажут вам, что истоком Москвы-реки служит Старьковское болото на Смоленско-Московской возвышенности; есть топкие места и ниже по течению.

Гипотеза балтийская «связующая, соединяющая». Еще одна версия — чисто балтийская. Ее сторонники (например, Б. М. Тютьпаков) связывают слово *Москва* с языком компактно проживающих на территории западного Подмосковья (вплоть до его заселения славянами) племен балтов, летописной «голяди», и пробуют вывести этот гидроним из балтийских слов: литовских *mazg* «узел», *mezg/joti* «вязать», латышских *mezg* «узел» и *vandou* «вода». В таком случае название реки Москвы можно перевести как «узловая вода», «связующая вода». Вот как комментирует эту гипотезу Б. М. Тютьпаков: «Название реки Москвы связано с ее особым географическим положением в Волго-Окском междуречье. Река как бы соединяла (через волоки и сеть своих притоков) бассейны Оки и Волги (а также — Днепра и Дона), предоставляя наиболее удобный путь для древних переселенцев. Судя по данным археологических раскопок, река Москва служила для балтских племен главной (центральной) рекой расселения, освоения новых мест, формирования родоплеменных центров и поселений».

Сколько же всего версий и гипотез существует? Много. В этой статье приведены или самые серьезные, или же самые любопытные из них. Коровья река, Медвежья река, Мутная река, Грязная река, река Сильная Гонщица, река Племени Мосхов, Болотистая река. Ни одно из этих предполагаемых значений гидронима *Москва* на сей день нельзя признать верным, истинным. И все же факт совпадения значений, выводимых из славянских и балтийских языков — «болотистая, слякотная, топкая», — обнадеживает. Может быть, именно этот путь поиска наиболее верен? Стало быть обратимся к гидронимам московии.

Гидронимы северо-востока Москвы

Гидронимы крупных и средних рек Московской области (как и большей части северо-восточной Руси) нерусского происхождения! Это отчётливо видно из исследований приведённых в предыдущих главах. Стало быть необходимо коснуться территории современной Москвы, её извилистой гидрографической сети. Точнее сказать левых притоков р. Москвы

приминительно к окрестностям Ярославского района. Начать правда следует с главной реки — Москвы.

МОСКВА, река, главная водная артерия г. Москвы, л. пр. Оки. Общая длина 502 км, в том числе в пределах города 80 км. Вытекает из большого болота ок. дер. Старьково Уваровского р-на Смоленской обл., на склоне Смоленско-Московской возвышенности. Это болото иногда называют «Москворецкой лужей», а небольшой ручей, начинающийся в его северной части, местные жители называют Москвой-рекой. В 16 км от истока М. пересекает Смоленскую обл., проходя через Михалёвское оз. В г. Москву входит на северо-западе в р-не Строгино и выходит из города на юго-востоке, пересекая МКАД у Бесединского моста. В пределах Москвы М. делает шесть больших излучин, в основании трех из них прорыты каналы, спрямления (Хорошёво, Карамышево, Нагатино). В 1783–1786 гг. велось строительство Водоотводного канала, в 1932–1937 гг. канала Москва-Волга. М. впадает в Оку у г. Коломны. М. с древности была важной транспортной магистралью, водно-волоковые пути связывали ее с Новгородом и Смоленском, с Волгой и Доном. Поселения восточных славян (вятичей) появились на берегах М. в последней четверти I тыс. н. э., т. е. по крайней мере с VIII в. До славян, а также длительное время одновременно с ними в басс. М. проживали финно-угорские и балтийские племена, оставившие заметный след в субстратной топонимии региона. Название М. — древнее, его происхождение спорно; существует большое количество гипотез относительно его возможного славянского, финно-угорского или балтийского источника. Соответствия гидрониму М. имеются и в других славянских землях, ср. р. Московца (Московка), пр. Березины; руч. Московец на Украине, реки Mozgawa или Moskawa в Польше и Германии. На этих территориях отмечен балтийский субстрат в гидронимии. В последние десятилетия особенно популярна гипотеза В. Н. Топорова, который возводит имя М. к древним балтийским формам *Mask-(u)va, *Mask-ava или *Mazg-(u)va, *Mazg-ava от корней со значениями либо «топь, грязь», либо «извилистая (река)». Этой гипотезе не противоречит и объяснение имени М. от родственного балтийским славянского слова москы, связанного с понятием «влага»; значение гидронима так или иначе устанавливается как «топкая, болотистая, мокрая (река)». Возможно, что нарицательное слово, лежащее в основе гидронима М., относилось к лексике, возникшей в ранний период интенсивного балто-славянского языкового взаимодействия.

А что же остальные реки? Реки «мещерской» Москвы?!

ЯУЗА - самый крупный приток Москвы-реки, вторая по величине река города (после Москвы-реки). Длина 48 км (в черте города 29 км). Площадь бассейна 452 км² (в пределах города 272 км²). Средний расход воды около 9,4 м³/с. Берёт начало из болот на территории Лосиног Острова. Пересекает г.Мытищи, посёлки Тайнинка и Перловка, после чего входит в Москву, где принимает многочисленные притоки. Вот наиболее значимые из них: справа - Чермянку, Лихоборку, Каменку, Горячку, Копытовку, Путяевский ручей, Олений ручей, Рыбинку, Чечёру, Черногрязку; слева - Ичку, Будайку, Хапиловку, Синичку, Золотой Рожок.

До XVIII в. была известна как часть торгового пути из бассейна Москвы в бассейн Клязьмы с волоком в районе Мытищ. Ключи в верховьях Яузы с начала XIX в. до середины XX в. были основой первого централизованного Мытищинского водопровода. С начала XVIII в. берега Яузы от устья до Сокольников застраивались, русло было перегорожено многочисленными плотинами с мельницами, что сильно загрязняло воду. В конце 1930-х гг. русло Яузы было выправлено и расширено почти вдвое (до 30 м), построены гранитные набережные, перекинута новые мосты. В 1940 г. в 3 км от устья, между Разумовской и Золоторожской набережными, сооружён Сыромятнинский гидроузел (со шлюзом), плотина которого подняла уровень воды выше гидроузла на 2 м. От устья до гидроузла уровень воды поддерживается Перервинской плотиной на Москве-реке. В относительно естественном состоянии долина Яузы сохранилась только между Сокольниками и Лосиным Островом, где она частично покрыта лесом. Для обводнения Яузы из Химкинского водохранилища по Лихоборскому каналу (через Головинские пруды) и р. Лихоборку поступает волжская вода. В связи с сильным загрязнением реки ведутся большие работы по очистке Яузы. Судходна для небольших судов от устья до Преображенской площади.

На берегах Яузы находились сёла Медведково, Свиблово, Ростокино, Богородское, слободы Преображенская, Сокольническая, Семёновская (Введенское), Синичкина, Кукуй (Немецкая слобода), Сыромятнинская и Котельническая, а также ряд деревень. Вдоль Яузы по правому берегу располагались Ширяево поле, Сокольничье поле и Васильевский луг; на левом берегу у Семеновской слободы возвышались Введенские горы.

До XVIII в. Яуза являлась частью торгового пути из басс. Москвы в басс. Клязьмы с волоком в р-не Мытищ. Яуза известна по летописи под 1156 г. как Ауза. Предлагались этимологии этого названия из славянских и финно-угорских языков. В. Н. Топоров (1982) убедительно сопоставляет с балтийскими названиями — латыш. Auzes и латышским апеллятивом auzajs, auzaine и др. в значении «стебель овса, ость, солома». Дополнительным аргументом считается наличие р. Стебельки по соседству с Яузой.

Яуза является основной рекой северо-востока Москвы и пожалуй самой интересной из притоков одноимённой реки. Начинаясь в обширных болотах Лосинового острова она более чем полукольцом огибает Ярославский район, оставляя открытым лишь юго-восток. Интересно, что некоторые притоки Яузы (мелкие речки) имеют нерусские названия на казалось бы плотно заселённой земле вятичей (Карта). Среди них среди них Чечёра, Ичка и под вопросом Будаика и Гольяновский ручей. Отдельно стоят Пехорка, начинающаяся на востоке в Лосином острове за МКАД и Голеданка на юго-востоке города впадающая непосредственно в Москву-реку. Ярославский район здесь нельзя рассматривать как просто административную единицу, но как местность левобережья Яузы с окрестностями, в былые времена археологически плотно заселённую вятичами. И имеющую более древнюю балто-финскую историю. Район древнего беломорского (Ярославль-Вологда-Архангельск) тракта русского тылового севера. Района

сыгравшего значительную роль в истории Руси и России причём недалёкого прошлого!

Вернёмся к гидронимии бассейна Яузы и левобережья Москвы-реки. Правые притоки Яузы: Нехлюдов рукав, Работня, Сукромка, Чермянка, Лихоборка, Каменка, Горячка, Копытовка, Путяевский и Олений ручьи, Рыбинка, Чечёра, Черногрязка.

НЕХЛЮДОВ РУКАВ. Из правых притоков Яузы особо хочется упомянуть первый из них — Нехлюдов рукав. Интересно, что сама Яуза не имеет одного истока. До мытищинских плавней она разделяется на три протоки. Одна протока идёт из озера Торфянка, что ближе к посёлку Центральный (Торфопредприятие), другая огибая дугой болота уходит к посёлку Погонному, ныне отчасти не существующему, а отчасти занятому под дачи. И та и другая наследство советского насилия над природой и торфоразработок начавшихся ещё в 19 веке. Третья протока резка уходит на север образуя в верховьях красивую пойму с разнотравной растительностью. Это и есть Нехлюдов рукав или *урочище Нехлюдов рукав* — название вызывающее интерес. Согласно толковому словарю *урочище* — местность, отличающаяся по природным условиям от окружающей территории. Ландшафтный раздел, межа, граница, природный рубеж. А в нашем случае опричная заповедная земля. Интересно, что это действительно была граница владений. С одной стороны монастырских (Чудова монастыря московского кремля ныне несуществующего) и княжеской. Княжеская «Хлудневская земля» и нехлудневская. Упоминание о «княжеской Хлудневской земле» встречается в Разъезжей грамоте около 1477 — 1484 годов. Но возможны и другая версия происхождения этого гидронима. Здесь отчётливо слышится корень -люд- с приставкой не- т. е. -не/хлюд-, -не/хай/люд- или -не/люд-. Одним словом нелюдимое, дикое, заповедное от людей место. В толковых словарях встречаются интересные варианты близких по звучанию слов. «Холудье» - заросли кустарника, мелкий лес (Даль 1912 г.), а также «голутва» -вырубка, просека в лесу, поляна (Мурзаев 1984 г.).

Речки Работня и Сукромка имеют типичные легко объясняемые названия.

РАБОТНЯ — протекает по границе старого рабочего района г. Мытищи, а вблизи устья у огромной территории мытищинского машиностроительного завода. За что видимо получила насмешливо-пренебрежительное название от дачников мещан ещё в XIX веке.

СУКРОМКА — речка текущая по границам землевладений бывших сёл Перловка и Тайнинское (ныне западных окраин г. Мытищи), вблизи и параллельно Яузе. Сукромка т. е. Текущая укромно, по кромке (краю) вотчины.

ЧЕРМЯНКА, Черница, река на севере Москвы, п. пр. р. Яузы. Общая длина 12 км, в пределах Москвы 10,3 км (по Ю. А. Насимовичу — 5,7 км), частично взята в подземный коллектор. Исток ок. ус. Вешки к северу от Москвы,

пересекает МКАД в р-не ул. Корнейчука, течет в р-не ул. Лескова, затем между Ясным и Юрловским проездами, устье — напротив Тенистого пр. На берегах Ч. находились деревни Подушкино, Юрлово, Сабурово, Козьево, Чернево и с. Медведково. По Ч. названы Чермянская ул. и проезд в Медведкове. Ч. — славянское название из основы прилагательного чърмьнь «красный», ср. рус. диал. черемный «чермный, красный». Может обозначать красноватый цвет воды (обусловленный наличием соединений железа). Гидроним имеет широкие параллели по всей славянской языковой области: ср. оз. Череменецкое в Ленинградской обл., урочище Черменец (Червенец) в басс. Западного Буга, р. Cermenica (Crmenica) в Словении, оз. Czermno в Польше. В русских говорах слово чермный часто смешивается со словом чёрный, отсюда и второй вариант названия Ч. — Черница. Неясно, связано ли оно прямо с названием дер. Чернево, хотя Ю. А. Насимович (1996) на основании названия Чернево предполагает, что первоначально смысл гидронима Ч. связывался именно с понятием чёрного цвета.

ЛИХОБОРКА, Лихобора, Бусинка, река на севере Москвы, п. пр. Яузы. Длина 18 км, из них 14 — в Москве. Исток в лесах ок. с. Ново-Архангельского (в верховьях носит название Бусинка). Пересекает МКАД в р-не Коровина, затем протекает в подземном коллекторе до Лихоборской наб., где выходит на поверхность, пересекает Октябрьское и Савёловское направления Московской ж. д., течет по северо-восточной окраине Главного ботанического сада РАН и впадает в Яузу близ станции метро «Ботанический сад». На берегах Л. ранее находились села Бусиново, Ховрино, Новое и Старое Владыкино, а также деревни Нижние и Верхние Лихоборы, от которых Л. и получила свое название (с кон. XVI в. и до XIX в. — бытовала форма гидронима Лихобора). Название Бусинка, под которым известно верхнее течение Л., связано с названием дер. Бусиново, находившейся ранее на этой реке. В словообразовательном плане соотношение слов Бусинка и Бусиново не совсем ясно: какое из них было основным, какое производным. Е. М. Поспелов объясняет оба названия от неканонического личного имени Буса ® Бусино ® Бусинка, Бусиново). Впадает в лихоборку ЛИХОБОРСКИЙ КАНАЛ, обводный канал на севере Москвы. Длина 7 км, русло канала полностью открыто. Назван по принимающему водоему — р. Лихоборке.

КАМЕНКА, Кашенка, река на севере Москвы, п. пр. Яузы. Длина 7 км. В верховьях называется Берёзовка. Начинается вблизи Савёловского направления Московской ж. д. между станциями Тимирязевская и Окружная, частично заключена в подземный коллектор (вдоль ул. Академика Комарова), затем протекает по поверхности по территории Главного ботанического сада РАН и ВВЦ, образуя каскад из пяти декоративных прудов. В верховьях К. находилось сельцо Марфино. Название Каменка широко распространено в славянской гидронимии и, как правило, относится к рекам и ручьям, протекающим по каменистому руслу. Однако не очень ясно, какое из двух названий — Каменка и Кашенка — было первоначальным (ср. также Кашенкин луг — местность, названная от пойменных лугов р. Кашенки/Каменки, к северу от платф. Останкино Октябрьской ж. д.). Возможно, Кашенка — искажение названия Каменка на географических

картах. Во всяком случае, оба варианта имели употребление в речи местного населения.

ГОРЯЧКА, Горленка, Останкинский ручей, река на северо-востоке Москвы, в Останкине, п. пр. Яузы. Длина 3,4 км (по другим данным — ок. 5 км), протекает в закрытом русле. Начинаясь западнее Останкинского пруда, проходила через него, далее на восток вдоль ул. Академика Королёва и на северо-восток через территорию ВДНХ, впадала ок. ул. Сергея Эйзенштейна. На берегах Г. находились с. и ус. Останкино, д. Пушкинское и часть с. Алексеевское. Названия типа Горячка распространены в славянской гидронимии; они могут даваться либо по температуре воды, либо по характеру её течения (бурное, порывистое). Второе название реки Горленка также довольно частое: в басс. Оки есть, например, Горлица, Горлов и т. п.; все они связаны с географическим апеллятивом горло в значениях «устье реки», «проток» и др. Название Останкинский ручей дано по местности Останкино.

КОПЫТОВКА, Трестенка, Трепанка, Капитовка, река на севере Москвы, п. пр. Яузы. Длина 5,6 км, заключена в коллектор. Берет начало ок. Бутырской ул., протекает под Звездным и Ракетным бульварами, пересекая Огородный пр., просп. Мира и ул. Бориса Галушкина. На берегах К. находились местности Марьино и Алексеевское (до сер. XVI в. — д. Копытово). По К. назван Копытовский пер. Гидроним К. по форме произведен от названия д. Копытово, хотя в энциклопедии «Москва» (М., 1998) утверждается обратное. Другое название К. — Трестенка — образовано от рус. диал. треста, троста «тростник». Еще одно название этой реки — Трепанка — не имеет ясной этимологии, хотя, возможно, это искажение названия Трестенка; Капитовка — орфографический вариант гидронима Копытовка.

ПУТЯЕВСКИЙ РУЧЕЙ, п. пр. Яузы. Крупный овраг с водотоком на территории ПКиО «Сокольники». Длина 1,9 км. Начинается между платформами Москва-3 и Маленковская Ярославской ж. д., проходит через Большой Путяевский пруд и каскад из пяти маленьких прудов. **ПУТЯЕВСКИЕ ПРУДЫ**, на северо-востоке Москвы, на территории ПКиО «Сокольники», близ платф. Маленковская Ярославского направления Московской ж. д. Представляют собой каскад из 6 прудов общей пл. 6,1 га (самый крупный из них — Верхний П. п.), устроенный в пойме Путяевского ручья. Название предположительно происходит из антропонима фамилии Путяев.

ОХОТНИЧИЙ РУЧЕЙ, на востоке Москвы, п. пр. Яузы (теперь отведен в коллектор). Длина 1,5 км. Протекает чуть юго-западнее Сокольников. Название дано Ю. А. Насимовичем по Охотничьему пруду, через который этот ручей протекает.

ОЛЕНИЙ РУЧЕЙ, Маланинский ручей, река на северо-востоке Москвы, п. пр. Яузы. Длина 2 км. Протекает по территории ПКиО «Сокольники». Название связано с местами, где устраивались царские охоты при царе Алексее Михайловиче. Ср. также р. Лось, Лосиный Остров. **ОЛЕНЬИ ПРУДЫ**, на северо-востоке Москвы, на территории ПКиО «Сокольники», в долине

Оленьего ручья. Представляют собой каскад из пяти сообщающихся между собой прудов, общей пл. ок. 3 га, в том числе Лебяжий, Большой Олений, Малый Олений, Верхний Майский, Нижний Майский пруды. Название О.п. происходит от гидронима Олений ручей; оба связаны с местами, где устраивались царские охоты при царе Алексее Михайловиче. Ср. также р. Лось, Лосиный Остров.

РЫБИНКА, Рыбенка, Ровенка, река на северо-востоке Москвы, п. пр. Яузы. Длина ок. 5 км, почти целиком заключена в трубу. Протекает по западной границе ПКиО «Сокольники», пересекает ул. Сокольнический вал., 2-ю Рыбинскую, Русаковскую ул. и впадает в р. Яузу близ Электrozаводского моста. По Р. названы три Рыбинские улицы и Рыбинский пер. Название Р. объясняется тем, что в устье реки и в р-не Рыбинских ул. были пруды, когда-то богатые рыбой. Название Ровенка — вероятно, искажение.

ЧЕЧЕРА, Чечёра, Ольховка, река в центре Москвы, п. пр. р. Яузы. Длина ок. 4 км, заключена в коллектор. Исток находился к северу от Ярославского вокзала, вблизи Красного пруда. В верховьях Ч. называется Ольховка. Ч. проходила через Красный пруд, пересекала Краснопрудную, Ольховскую, Спартаковскую улицы, протекала вдоль Добролюбовской ул. и Елизаветинского пер. На берегу Ч. находились с. Красное и с-цо Елохово. Название Ч. объясняется из русского географического апеллятива чечера «старое русло реки, ставшее болотом, болотистым оврагом; болото» (Смолицкая, 1997). Названия рек такого рода известны в Поочье: р. Чичера (Чичаровка) в верховьях Протвы; р. Чичерка, Чичерлейка, оз. Чичерское в нижнем правобережном Поочье; р. Чечора — приток Оки в Тульской обл. Эти гидронимы, нетипичные для славян, находятся в области балтийских и финно-угорских языков, распространенных здесь до прихода славян, поэтому они могут быть заимствованными. В. Н. Топоров (1972, 1982) приводит балтийские соответствия: лит. *Cicirys*, латыш. *Ciecere*.

ЧЕРНОГРЯЗКА, Чёрная грязь, река в центральной части Москвы, п. пр. р. Яузы. Длина ок. 2 км, заключена в коллектор. Исток ок. Чистопрудного бул., пересекала Садовое кольцо в р-не Садовой-Черногрязской ул. Название реки происходит от словосочетания чёрная грязь, которое, согласно Е. М. Пospelову (1999), является устойчивым в топонимии Московской и др. центральных областей России. Диал. грязь означает «сырое, никогда не просыхающее болото». Словосочетание чёрная грязь встречается в названиях населенных пунктов, рек и урочищ. В Москве, кроме р. Черногрязки, название которой отразилось в наименовании Садовой-Черногрязской ул., была еще одна Чёрная Грязь — так назывался до 1775 г. микрорайон Царицыно.

Левые притоки Яузы: Кабаний ручей, Ичка, Будаика, Богородский верхний ручей (Богатырский ручей), Богородский нижний ручей, Гольяновский ручей, Леоновский ручей, Казёный ручей, Хапиловский ручей, Синичка, Золотой Рожок. Большинство левых притоки Яузы имеют непосредственное отношение к Лосиному Острову. Явным примером является Кабаний ручей.

КАБАНИЙ РУЧЕЙ — начинается на особо охраняемой территории Лосиногостовского Острова недалеко от так называемой Алексеевской рощи. Ручей не имеет притоков. Запружен двумя прудами вблизи звероопытной станции. В сухие годы частично пересыхает.

ИЧКА, река на северо-востоке Москвы, л. пр. Яузы. Длина 12 км (в пределах Москвы 8,2 км), протекает в открытом русле. Начинается в парке Лосиный Остров, где носит название Свиягинский ручей, пересекает МКАД (дважды), Ярославское шоссе и Ярославское направление Московской ж. д., проходит через Дзамгаровский пруд и впадает в Яузу в районе ул. Малыгина. Название имеет соответствия в басс. Оки: Ича, Иченка и др., а также на Украине: Іченька, Ічня и др. По В. Н. Топорову, возможен балтийский источник, ср. латыш. Ica, Ičika-lauks. Некоторые исследователи (Г. П. Смолицкая) производят название типа Ичка, Ича от Ика, Ик, сопоставляя с финно-угорским источником: такие гидронимы широко распространены на Урале, в Западной Сибири и в др. регионах; они возводятся к фин. joki «река» (А. К. Матвеев).

ЛЕОНОВСКИЙ РУЧЕЙ, Высоковский ручей, река на северо-востоке Москвы, л. пр. Яузы. Длина 2,6 км, протекает в закрытом русле. Мог начинаться близ станции метро «Свиблово» и впадать ниже с. Леоново (отсюда его первое название). Название Высоковский ручей связано, вероятно, с антропонимом (прозвищное имя Высокий и фамилии от него) или непосредственно с географическим апеллятивом высокий. В басс. Оки есть ряд гидронимов типа Высокий, Высоков, Высоковской и т. д., ср. также г. Высоковск близ Клина.

БУДАЙКА, Бучайка, река на северо-востоке Москвы, л. пр. Яузы. Долина в открытом русле (спрямленном на двух участках) 4,4 км. Берет начало в Лосином Острове к востоку от платформы Северянин, протекает параллельно Ярославскому направлению Московской ж. д., заключена в коллектор в районе Малахитовой ул., впадает в Яузу ок. пр. Кадомцева. На берегу Б. находилось с. Ростокино. Гидроним отразился в названии Будайские ул. и проезд. Название Б., вероятно, ойконимического происхождения от широко распространенной в восточнославянских языках основы буд- со значением «строить», «постройка». Много соответствий в гидронимии Поочья (Буда, Буденец, Буденка, Будка, Будянка и др.), а также в Верхнем Поднепровье (Буда, Будава, Будовец и др.) и на др. территориях. Однако в литературе отмечалось, что, несмотря на широкое распространение основы в восточнославянской топонимии, удовлетворительного объяснения этих названий пока нет. Е. М. Поспелов связывает гидроним Будайка с личным именем Будай, неоднократно засвидетельствованным в источниках XVI в. Предлагались и балтийские этимологии названий с основой буд-, что очень маловероятно.

БОГОРОДСКИЙ РУЧЕЙ ВЕРХНИЙ, Богатырский ручей, на северо-востоке Москвы, в Богородском (отсюда название), л. пр. Яузы. Длина ок. 3,5 км,

протекает в открытом русле. Находится в р-не Богатырской 3-й ул. и Богатырского 2-го пер., названных так по заводу резиновых изделий «Богатырь» (теперь «Красный Богатырь»). Отсюда второе название ручья, бытующее в современных документах.

БОГОРОДСКИЙ РУЧЕЙ НИЖНИЙ, на северо-востоке Москвы, л. пр. р. Яузы. Длина 1—2 км. Исчез или заключен в коллектор, протекал близ Мясниковской ул. Название от бывшего с. Богородское, известного с XIV в., в настоящее время — местность Богородское.

ГОЛЬЯНОВСКИЙ РУЧЕЙ, на востоке Москвы, л. пр. Яузы. Длина 2,4 км, протекает полностью в закрытом русле. Назван по местности Гольяново. Название села Гольяново произошедшее от имени собственного *Гольян* нередко возносят в ряд балтийских топонимов по этимологии племени *голядь*. Аргументировано это может быть наличием восточнее за МКАД речки Пехорки.

ХАПИЛОВКА, река на северо-востоке Москвы, л. пр. Яузы, образуется слиянием рек Сосенки и Серебрянки. От места слияния до устья длина 2,8 км, полностью заключена в подземный коллектор. Течет в западном направлении от пересечения 1-й и 2-й Пугачёвских улиц, впадает в Яузу на Преображенской наб. До 1931 г. на Х. был большой Хапиловский пруд. Гидроним сохраняется в наименовании 2-й Хапиловской ул. Название Х. происходит от названия Хапиловской деревни, которое в свою очередь связано с антропонимом Хапило — прозвищем владельца двора и плотины с водяной мельницей у слияния речек Сосенки и Серебрянки.

СИНИЧКА, река на востоке Москвы, л. пр. Яузы. Длина ок. 4 км, заключена в трубу. Исток в р-не пересечения шоссе Энтузиастов с ул. Буракова, затем пересекает Казанское направление Московской ж.д., протекает в р-не 2-й и 1-й Синичкиных улиц и впадает в р. Яузу на Госпитальной наб., вблизи ул. Новая дорога. С р. Синичкой был связан Синичкин пруд, находившийся в ее среднем течении. На берегах С. находились Александровская слобода и Синичкина (Солдатская) слобода в Лефортове. Название С. имеет много параллелей в Поочье: Синец, Синяя, Сеница, Синицын, Синичкин, Синишка и т. д., в том числе р. Сеница в басс. самой р. Москвы. Гидронимы этого типа широко известны в гидронимии и объясняются как названия, данные по синему цвету воды.

ЗОЛОТОЙ РОЖОК, Лефортовский ручей, река на востоке Москвы, л. пр. р. Яузы. Длина 2,3 км, полностью заключен в трубу. Река начиналась из болота у платф. «Серп и молот» Нижегородского направления Московской ж. д., протекала под шоссе Энтузиастов и впадала в Яузу у Спасо-Андроникова монастыря. По З.Р. названы Золоторожские набережная, улица, переулки и проезд. Гидроним является примером названий, образовавшихся в результате ассоциаций с другими известными географическими объектами. По преданию, основатель Спасо-Андроникова монастыря митрополит Алексей в память своего посещения Константинополя в 50-х гг. XIV в. назвал ручей Золотым Рожком (по константинопольской гавани Золотой Рог).

Это пожалуй всё, что касается бассейна р. Яузы. Но далеко не всё, что касается местной гидронимии. Особый интерес представляют реки Пехорка и Голеданка (Чурилиха), а также Клязьма и Уча.

ПЕХОРКА, Пехра, река на востоке Москвы, л. пр. р. Москвы. Длина более 25 км. Начинается за МКАД в Лосином Острове недалеко от развалин охотничьего дворца царя Алексея Михайловича. В пределах Москвы протекает в открытом русле в Измайлове, Кускове, Косине на протяжении 10 км. Гидроним отразился в названии Пехорской ул. Название П. может быть финно-угорского происхождения (но этимология неясна). Г. П. Смолицкая (1997) допускает балтийское происхождение, а также славянское: Пехра (как и Пахра) — из слав. пых — «толкать» (с суффиксом -ъръ).

ГОЛЕДАНКА, Чурилиха, Чуриха, Голодянка, Гляденка, Гольдянка, Голяденка, Люблинка, Пономарка, река на востоке Москвы, л. пр. р. Нищенки. Длина 13,4 км, почти целиком заключена в трубу. Исток Ч. в Перове, она протекает через Вешняки-Владычино, дважды пересекает МКАД, проходит через ряд прудов в Кузьминках и Люблине, пересекает Курское направление Московской ж. д. и впадает в Нищенку в р-не Люблина. На берегах Ч. находились деревни Владычино, Выхино, Жулебино, Аннино, Кузьминки, Вешки и пос. Люблино. Название Ч. — по форме типично русское топонимическое образование с суффиксом -иха от имени Чурило — древнерусская форма заимствованного из греческого языка календарного имени Кирилл. Однако вариант Чуриха позволяет подумать и о связи с гидронимом Чура (если только Чуриха — не разговорное упрощение названия Чурилиха), а следовательно, и о возможной связи с балтийскими названиями (см. Чура). Разнообразные параллельные названия Гольдянка /Голяденка/Гляденка/Голодянка также указывают на возможную связь с балтийским этнонимом голядь (западнобалтийское племя, проживавшее в Подмосковье вплоть до XIV в.). Вариант Пономарка, вероятно, антропонимического происхождения (ср. фамилию Пономарёв, прозвищное имя Пономарь). Название Чура. (вариант Чур), возможно, связано с рус. диал. чур «грань, граница, рубеж, межа». Есть соответствия в Поочье — Чурка. В. Н. Топоров (1982) сопоставляет с лит. Kiaur-ure от kiauras «узкий».

КЛЯЗЬМА, река в Московской и Владимирской обл., л. пр. Оки, общая длина 686 км, в Московской обл. 245 км, в Москве в пределах МКАД протекает на севере столицы на протяжении 4 км. Берет начало на южном склоне Клинско-Дмитровской возвышенности, ок. д. Кочергино в Химкинском р-не Московской обл. Еще в IX–XI вв. К. была значительно многоводнее и играла большую роль как часть торгового пути из Балтики на Волгу и Каспийское море, в Персию и Аравию. В XI–XIII вв. по К. поддерживались торговые связи между Новгородом, Смоленском и Волжской Болгарией. Название К. не объясняется из славянских, балтийских и финно-угорских языков и, по-видимому, представляет собой более древний субстратный гидроним, который был воспринят славянами, пришедшими в Волго-Окское междуречье, от местного населения уже в искаженном виде. В литературе были попытки сопоставить название К. с некоторыми топонимами на Русском Севере: Нер-езьма, Кол-озьма, Кол-ежма, где окончания

обозначали реку, а начало — особенности реки, которые сегодня не поддаются расшифровке. и убедительного словообразовательного и этимологического анализа предложено не было.

УЧА, р., лп р. Клязьмы. Название возможно из угрофинского-языка, в котором гидроним укша, укса — обозначает реку.

О чём молчит история?

Впервые мы имеем летописное упоминание о Москве под 1147 годом (XII век). Это была печальная пора очередного дробления Киевской Руси и время ожесточённой борьбы из-за Киева между Мономаховичами (потомками Владимира Всеволодовича Мономаха, внука Ярослава Владимировича Мудрого) и Ольговичами (потомками Олега Святославича Мудрого, другого внука Ярослава Мудрого). Как говорится в летописи:

«Весною этого года суздальский князь Юрий Владимирович [Долгорукий, сын Владимира Мономаха], как передает летописное сказание, пошел на Новгород, бывший на стороне Изяслава Мстиславича [великого князя киевского, внука Владимира Мономаха], взял Торжок и землю на Мете, а Святослав [Ольгович] Северский, его союзник, по Юрьеву приказу пошел на землю Смоленскую, тоже стоявшую на стороне киевского князя, и взял там живших на Протве литовцев-голядей и обогатил дружину свою полоном. После этого Святослав, к которому Юрий еще раньше посылал на помощь сыновей своих и богатые дары для него и его княгини (ткани и меха), получил от суздальского князя зов приехать к нему в Москву (в "Москов"), которая по этому поводу впервые упомянута в летописи. Святослав отправился к нему в новый городок с сыном Олегом, князем Владимиром Рязанским и дружиной. Олег поехал в Москву наперед и подарил Юрию барса. Дружески поздоровался основатель Москвы с князьями, и здесь началось пированье. На другой день Юрий сделал большой, или, по старинному выражению, "сильный", обед для гостей, богато одарил Святослава, сына его Олега, Владимира Рязанского и всю их дружину. Вести о свидании князей-союзников в Москве разнеслись по всей Руси и сделали известным этот новый и маленький городок».

Тем не менее повествования о начале Москвы не имеют общего корня и даже здесь можно привести весьма занимательные толкования:

В XVII веке по крайней мере четыре писателя независимо один от другого взялись за создание произведения об основании Москвы. Каждый из них слышал устное предание в своем варианте. [Свод дошедших до нас полуполюгендарных известий о начале Москвы см.: Забелин И.Е. История города Москвы. М., 1990. С. 22-47.] В одном рассказывается, что основал Москву, отобрав земли у [жившего здесь боярина] Кучка, князь Юрий Долгорукий, передал ее по наследству сыну Андрею, и дети Кучка - Кучковичи, мстя, убили Андрея. В этом предании отразились воспоминания о том, что Юрий Долгорукий действительно поставил и укрепил много городов Ростово-Суздальской Руси и что Андрей был убит заговорщиками, среди

которых летопись называет неких Кучковичей. Однако причины и обстоятельства убийства князя Андрея являются чистейшим литературным вымыслом. [Андрей был убит в своей резиденции Боголюбове, близ Владимира-на-Клязьме, в 1174 году. Непосредственной причиной убийства явилось его решение казнить за какой-то серьезный проступок брата своего слуги. В ответ слуга, Яким Кучкович, организовал успешный заговор, в результате которого князь Андрей был убит.]

Автор повести, взяв исторический факт основания Москвы, развил его в подходящий, по его мнению, к обстоятельствам сюжет:

«В лето от сотворения мира 6666-е великий князь киевский Юрий Владимирович, по прозванию Долгорукий, сын великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха, ехал со своей дружиной из стольного Киева к сыну своему Андрею Юрьевичу Боголюбскому в город Владимир-на-Клязьме, где тот княжил по воле отца.

Склонив голову, думал князь Юрий думу о том, что он уже стар и, померев, оставит любимому сыну Андрею Юрьевичу прародительские земли и своих, им самим нажитых сильных врагов - князей и княжат удельных, которые в жадном ослеплении готовы разграбить друг друга и тем разорить всю Русь. Думал он и о том, что Киев, стольный город, прочими русскими землями и княжествами, далеко расширившимися на полночь и на восход солнца, уже не почитается так, как почитался прежде, и, глядишь, скоро наступит время, когда удельные князья совсем перестанут признавать его старшинство...

С такими думами въехал князь Юрий Владимирович в темные заокские леса, где дорога шла по дремучим дебрям, через темные топкие болота.

И вдруг посреди одного обширного болота князь Юрий Владимирович увидел огромного чудесного зверя. Было у того зверя три головы и шерсть пестрая многих цветов.

И вся дружина, и все спутники князя увидели этого зверя и встали в изумлении.

Явившись людям, чудесный зверь затем исчез, растаял, словно туман утренний.

Тогда князь Юрий Владимирович спросил одного из спутников своих - ученого гречанина-философа:

- Что знаменует собой явление сего чудесного зверя?

- Великий князь, - ответил ученый гречанин, - явление это знаменует, что поблизости сих мест встанет град превелик треуголен и распространится вокруг него царство великое. А пестрота шкуры звериной значит, что сойдутся сюда люди разных племен и народов.

Задумался князь, затем снова спросил:

- Истинно ли твое толкование, ученый философ?

- Истинно, - ответил ученый философ, - потому что и при основании великого града Рима было знамение. Когда начали рыть ров под городскую стену, то вырыли голову человеческую, как живую, и значило это, что быть Риму главой многим градам. Что и сбылось. И когда создали Царьград, то выполз из норы змий, и в тот же миг пал на него с высоты орел, и начали они биться. И мудрец книгочей посему изрек: "Будет град Константина царь другим городам, как орел - царь всем птицам, и будет он подвержен нашествиям басурман". Что также сбылось. Посему сбудется и явленное ныне тебе знамение.

Поехал князь Юрий Владимирович далее. Вскоре расступились леса, позади остались болота, и выехал он на высокий берег реки.

Воззрел князь Юрий Владимирович очами во все стороны, на этот берег и на тот, на светлые рощи, на распаханые поля, на богатые села, на поставленные на высоком мысу над рекой огороженные частоколом хоромы владетеля этих мест тутошнего князька Кучка.

Видит князь, что хороши эти места, и подумал он: "Верно, здесь стоять граду треугольному", но ничего не сказал.

Стоит князь Юрий Владимирович на высоком берегу, дружина за ним стоит, смотрят на городок. Коли им город виден, то и из города их видать. Удивляется князь Юрий Владимирович, почему Кучко не встречает его, не оказывает какие положено почести, не выходит с сыновьями своими и воеводой Букалом со двора, огороженного частоколом, не зовет князя в хоромы. Юрий послал воина сказать Кучку, чтобы тот поспешал перед светлые очи князя.

Поскакал посланец и через немалое время вернулся с князьком Кучком.

- Почему не встречаешь, чести не оказываешь? В хоромы меня, великого князя, не зовешь? - грозно спросил князь Юрий Владимирович Кучка.

Но Кучко не сробел и отвечает:

- Не знал я, господин, что ты едешь, потому не встретил. В хоромы не зову, потому что старые хоромы разметали, новые не построили, сами в сарае живем.

Понял князь Юрий Владимирович, что неспроста так дерзок Кучко, видать, он перекинулся тайно из-под его руки к Новгороду, видать, собираются новгородцы в третий поход на Владимирское княжество и переманили Кучка щедрыми посулами. Понял все это князь Юрий Владимирович, но вида не подал.

- Хорошие у тебя села, богатые, - говорит князь Юрий Владимирович Кучку.

- Богатые, - соглашается Кучко.

- Знать, поля хорошо родят?

- Хорошо.

- Гляжу, стада большие, видать, и выпасы хороши.

- И выпасы хороши.

- А река рыбна ли?

- И река рыбная.

- А как зовется река? - спросил князь.

- Москва.

- Что же значит такое название?

- Названо не нами, а жившими прежде нас, - ответил Кучко, - а что оно значит, не ведаем.

Усмехнулся князь Юрий Долгорукий какой-то своей думе, а чему усмехнулся - не сказал.

Кучко понял усмешку по-своему и проговорил:

- От века так повелось: говорим "Москва" - и все тут. Еще раз усмехнулся князь Юрий Владимирович, посмотрел на Кучка и сказал:

- Значит, говоришь, жившими прежде вас название дано, - а про себя подумал: "Некогда вы сменили живших здесь прежде вас, а ныне пришел ваш черед уступить место мне". И, подумав так, спросил:

- Отчего один пришел ко мне, без сыновей?

- Сыновья мои малы, по младости да неучености не сумеют, как надо, повеличать тебя, - ответил Кучко.

- Однако говорят, что сыновья твои красивы и разумны.

- На сыновей не жалуюсь.

- Дай их мне, твоему великому князю, они у меня будут жить в чести, ума-разума набираться. Мы здесь станом на ночевку встанем, завтра далее поедем. А ты завтра утром приходи проводить и сыновей своих приведи.

Князь Юрий Владимирович приказал свой княжеский шатер ставить. Кучко к себе ускакал.

Настало утро. Князь Юрий Владимирович уже собрался выступать, а Кучка с сыновьями нет.

Разгневался князь, послал за ними гонца. Вернулся гонец, сказал, что Кучко заперся в крепости и ему, гонцу, даже ворот не открыл.

Еще пуще разгневался князь и поскакал сам с дружиной к Кучку.

И ему не открыл Кучко ворот да еще, высунувшись из-за крепкого частокола, посмеялся:

- Иди, князь, отсюда, куда шел, пока еще у тебя дружина есть. Ведь из твоих вотчин люди разбегаются, а ко мне народ стекается. Скоро стану я вровень с тобой, а потому не хочу тебе, князю моему, покориться!

Князь Юрий Владимирович не мог стерпеть такой дерзости, крепко разгневался и повелел дружине взять усадьбу непокорного Кучка приступом.

Хоть и очень дерзко величался Кучко перед князем, но приступа выдержать не смог.

Когда княжеские дружинники разбили главные ворота, Кучко со своим воеводой Букалом и с воинами убежал из усадьбы через другие - малые - ворота в леса.

Князь Юрий Владимирович с дружиной погнался за беглецами. Самого Кучка настигли и немилостиво предали смерти, а Букал с малым числом воинов скрылся в дебрях.

Князь Юрий Владимирович вошел в хоромы Кучка и увидел двух его малолетних сыновей и дочь Улиту, прекрасную лицом. Их он повелел взять и отвезти во Владимир ко двору князя - сына своего Андрея Юрьевича Боголюбского, а усадьбу разрушить.

На месте же усадьбы Кучка князь Юрий Владимирович повелел поставить город, а для скорейшего его устройства созвал строителей со всех окрестностей: и суздальцев, и владимирцев, и ростовцев, и всех иных.

Назвал город князь Юрий Владимирович по реке Москве - Москвой.

Детям Кучковым князь Юрий Владимирович сказал, что отец их поднял оружие на него и был убит в бою, а они, дети, перед князем ни в чем не виноваты, и, придя во Владимир, сочетал сына своего Андрея Боголюбского браком с дочерью Кучка прекрасной Улитой, сыновей же его пожаловал одного в стольники, другого в чашники. А сыну своему повелел город Москву людьми населять и распространять, и князь Андрей

Боголюбский этот отцовский завет исполнил.

Вскоре по основании города Москвы князь Юрий Владимирович умер, а Андрей Юрьевич княжил счастливо и благочестиво. В браке с Улитой прижил троих сыновей, его шурья Кучковичи жили при нем в великой чести.

Но однажды княгиня Улита гуляла по лесу возле Москвы, и вывела ее кривая тропа к малой хижине. В хижине той жил угрюмый старец, весь заросший седым волосом, так что глаза едва видать.

- Кто ты такой, старче? - спросила княгиня Улита.

- Я - Букал, бывший воевода Кучков, - ответил старец и рассказал княгине Улите, как был немилостиво предан смерти ее отец великим князем Юрием Владимировичем.

Опечалилась Улита и воспылала гневом против великого князя Юрия Владимировича и его сына, а своего мужа князя Андрея Боголюбского. Задумала она отомстить за отца.

Вернулась Улита домой, рассказала все братьям, и порешили они убить князя.

Подошла пора зайцев травить. Поехал князь с шурьями на полевание, и, когда заехали в лес, тут стали они его убивать.

Но князь хлестнул коня, вырвался и поскакал от них.

Князь через чащу скачет, Кучковичи за ним. Однако у князя конь добрый был, и беда смертная гнала князя - ушел он от убийц, но загнал князь коня, пал верный конь, и пошел дальше князь пеший.

А тут на пути река, через реку перевоз, перевозчик на своем челне недалеко от берега стоит.

Нечем князю уплатить за перевоз, только на руке один золотой перстень.

- Эй, перевозчик, возьми перстень, перевези меня за реку!

Перевозчик не пристаёт к берегу.

- Вы, лихие люди, обманщики: поначалу плату сулите, а как перевезешь вас, не уплатив перевозного, уходите.

- Ей-богу, заплачу, - клянётся князь.

Подплыл перевозчик поближе к берегу, протянул весло:

- Положи перстень на весло, уплати перевозное вперед, и я перевезу тебя.

Положил князь Андрей Боголюбский перстень на весло, а перевозчик подхватил тот золотой перстень, оттолкнулся от берега и уплыл.

Князь же, оставшись на берегу и боясь погони, побежал по берегу вдоль реки. Была осень, день кончался, темнело. Князь устал, замерз, и негде ему было укрыться на ночь.

Тут попался ему на пути низкий сруб-могила, в которой лежал покойник. Князь, забыв страх перед мертвым, залез в тот сруб, закрылся и заснул. Так он проспал всю темную осеннюю ночь до утра.

Его же шурья Кучковичи, упустив князя, возвратились домой в беспокойстве.

- Лучше бы нам и не замышлять убить князя, - говорят они друг другу. - Убить не убили, а только ранили. Теперь убежит князь Андрей к своему брату великому князю киевскому Даниилу Юрьевичу [вымышленный персонаж], придет во Владимир с воинством, и тогда не миновать нам злой смерти и лютой казни.

А княгиня Улита им говорит:

- Подите и довершите начатое. (Какая кровожадная зверина-львица, какая свирепая медведица может содеять такое?!)

- Как же князя в той дебри отыщем?

- Есть у князя Андрея пес-выжлец, - говорит княгиня Улита, - и как едет князь в поход либо на сечу, то говорит мне всегда: "Ежели случится мне в битве смерть безвестная и на поле меня сыскать и опознать невозможно будет или же возьмут меня живого в полон и повезут неведомой дорогой, то пошли тогда моих людей искать меня и вели им пустить впереди моего пса-выжлеца. И пес тот повсюду найдет меня, и если в поле буду лежать среди трупов многих и лицо мое кровавыми ранами изуродовано будет, то пес все равно без ошибки отыщет и мертвому мне радоваться станет, и мертвое тело мое почнет лизать в радости".

Утром, еще до рассвета, отправила княгиня Улита братьев Кучковичей в лес, дав им пса-выжлеца, и твердо наказала:

- Где вы князя живого отыщете, тут же его тотчас скорой смерти предайте.

Взяли Кучковичи пса, приехали на то место, где вчера князя Андрея ранили, и с того места пустили пса впереди себя.

Быстро побежал выжлец по следу, а они поскакали за ним.

Привел их пес к сруб-могиле, где спрятался князь Андрей, всунул голову в сруб (весь-то влезть не смог, потому что пес был большой, а сруб маленький) и, радуясь хозяину, замахал хвостом.

Увидя это, злосердные Кучковичи раскрыли крышу на срубе и убили князя Андрея Боголюбского, пронзив его копьями и иссеча мечами. И оставили тело его в том же срубе.

Но вскоре злое дело их открылось через верного слугу князя Андрея Давыда Тярдемива, который однажды ночью тайно убежал к князю киевскому Даниилу Юрьевичу и рассказал о том, что брат его, князь Андрей, убит злодеями.

Пришел князь Даниил с войском Москву воевать, чтобы отомстить за кровь брата. Но жители московские сказали:

- Мы на князя Андрея зла не мыслили. А погубили его, не побоявшись Бога, позор и поношение жен княгиня Улита и изменники братья ее Кучковичи. Они его злодеи, и мы за них стоять не хотим.

Схватил князь Даниил княгиню Улиту и Кучковичей, казнил их, а тела положил в берестяные короба и пустил короба в озеро. Эти короба с Кучковичами и ныне всплывают по ночам из пучины, ибо таковых злодеев ни земля, ни вода принять не хотят.

А князь Даниил наутро на восходе солнца восстал ото сна в высоком терему, глянул в окно на град, на обе стороны Москвы-реки, на села окрестные красные, на поле чистое, раздолье великое, и очень ему всепрекрасное место московское приглянулось и полюбилось. Не пошел он в свою отчину, а остался княжить на Москве.

И с той поры стала Москва царством быть, государством слыть».

Во втором произведении говорится, что-де древним московским князем был Даниил - сын Александра Невского, что соответствует действительности, поэтому писатель строит сюжет повести по-своему. У него не Юрий Долгорукий, а Даниил отбирает земли Кучка, и Кучковичи убивают Даниила. Этот вариант в еще более значительной степени является литературным вымыслом.

Третий писатель слышал о Данииле, которого он ошибочно называет Ивановичем, а не Александровичем, но ничего не знает о Кучке. Зато ему известно о чудесном видении, повинувшись которому Даниил основал Москву, и о том, что когда-то в Москве жил пустынный по имени Букал. Фантазия писателя отталкивается от этих сведений.

Четвертый называет основателем Москвы библейского персонажа Мосоха - внука Ноя, сближая по созвучию его имя с названием реки.

Каждый из средневековых создателей повестей о начале Москвы развивал

известный ему вариант, вернее, осколок предания в литературное произведение по законам художественного творчества: рисовал образы действующих лиц в том свете, в каком они ему представлялись, объяснял мотивы поступков, исходя из собственных понятий, вводил указания и ссылки на известные ему исторические материалы, поскольку тогда между художественной и научной литературой еще не было той пропасти, которая появилась позже, домысливал утраченные звенья сюжета.

Не пытаясь оспаривать историков, согласимся с тем, что в предании действительно исторических ошибок много. По их многослойности и внутренней противоречивости видно, как первоначальный рассказ поновлялся, осовременивался, принаравливался к художественным вкусам и моральным воззрениям эпохи, чего, конечно, не избежал и предлагаемый читателю пересказ.

Все эти повествования вместе взятые, устанавливают связь народных сказаний с реальной действительностью. Здесь резонно возникает вопрос, где же на огромной территории современного города находится то древнее ядро, из которого возникла Москва? Куда именно приглашал Юрий Долгорукий своего родича на совет? Не перемещался ли центр города за время его многовекового существования?

Ответить на эти вопросы до сравнительно недавнего времени было не так-то просто. Летопись, упоминая в 1147 году в первый раз Москву, не указывает никаких точных географических ориентиров ее местонахождения. Но тверской летописец записал, что Юрий Долгорукий на 9 лет позже, в 1156 году, построил в Москве крепость "на устье Неглинной выше реки Яузы". Таким образом, по первому же летописному упоминанию Кремль стоял на том месте, где и сейчас. Однако построенная тогда крепость, по-видимому, не была древнейшим московским укреплением. Ведь должен же был быть хотя бы какой-то укрепленный двор и у боярина Кучки! Но в самом ли деле Кучково и Москва - это лишь два названия одного и того же поселения? Не следует ли искать остатков села Кучкова где-то вне древнего города? К этому мнению склонялись многие исследователи. Одни из них помещали древнее Кучково в районе улицы Никольской и станции метро "Лубянка", другие - еще выше по тому же берегу Неглинной - в районе Самотеки, позади современного здания кинотеатра "Форум". Но раскопки в этом последнем районе не дали положительных результатов. Слишком уж перекопана там почва в позднейшие времена.

Может быть, до Юрия Долгорукого и городок Москва был на каком-то другом месте?

Многие исследователи так и считали, что древнейший городок должен был находиться не там, где стоит современный Кремль, а на берегу судоходной реки Яузы, в устье которой возвышается удобный для укрепления крутой холм, с которым также связаны некоторые древние легенды о начале Москвы.

Поэтому первые систематические раскопки в Москве в 1946 - 1947 годах археологи начали на крутом берегу в устье Яузы. Однако здесь не было найдено остатков древнего города, хотя какое-то поселение на первой террасе берега, значительно ниже вершины холма, очевидно, существовало. Находки обломков горшков того же типа, какие находят и в курганах, и пряслица из розового шифера, при отсутствии каких-либо следов ремесленного производства, свидетельствуют о том, что это было скорее одно из окружающих Москву сел. Разница между этим поселением и настоящим городом, центром ремесла и торговли, стала особенно ясна после археологических раскопок 1949 - 1951 годов в районе, расположенном ближе к Кремлю, - в Зарядье.

Само название Зарядье, обозначающее место за рядами, т.е. за Торговыми рядами, примыкавшими к Красной площади, довольно позднее. В древности здесь проходила улица, которая называлась Большой или Великой. М.Н. Тихомиров [известный русский историк, крупнейший специалист по древней Москве] еще до раскопок предположил, что когда-то она соединяла Кремль и пристань.

И вот лопаты археологов открыли значительно ниже деревянной мостовой Великой улицы красновато-коричневые, насыщенные щепой горизонты культурного слоя, в которых сохранились остатки домов и мастерских ремесленников различных профессий. Было найдено и множество вещей, часть из которых, несомненно, сделана тут же (некоторые даже были производственным браком), а часть привезена из ближних и дальних мест. Перед археологами открылась окраина древнего ремесленного и торгового поселка, центр которого находился где-то ближе к устью реки Неглинной. Это можно было предположить хотя бы уже потому, что нижние горизонты культурного слоя утолщались к западу. Однако это предположение разделяли не все, и только раскопки, проведенные в 1959 - 1960 годах в самом Кремле, подтвердили высказанную еще в 1950 году догадку. В западной части Кремля, на древнем берегу реки Неглинной, неподалеку от современной Троицкой башни, удалось обнаружить такой же слой, как в Зарядье, только с еще более определенными остатками ремесленного производства. И это также была, видимо, окраина города, центр которого находился южнее, ближе к устью реки. Так постепенно определилось место, откуда началась Москва, - устье реки Неглинной.

Конечно, то первое укрепление Москвы давно исчезло с лица земли, и, может быть, мы никогда бы о нем ничего и не узнали. Но еще в первой половине прошлого века в Кремле вели земляные работы и неожиданно обнаружили значительное углубление в песке, заполненное культурным слоем. Где-то поблизости нашли и остатки вертикально врытых в землю бревен. Заметили все это не археологи; никаких чертежей не осталось, да и какой-либо записи очевидца тоже. И поэтому почти полтора столетия ученые, в руки которых все же попали эти весьма неопределенные сведения, ожесточенно спорили между собой.

Была ли эта крепость первой в Москве?

Кто и когда ее построил?

Что она собой представляла?

Какую охватывала территорию?

Более или менее удовлетворяющий всех ответ можно было дать лишь на последний вопрос. Внешний край углубления, которое, несомненно, было остатками древнего рва, не доходил до древней церкви Спаса на бору, что стояла когда-то там, где теперь внутренний двор Большого Кремлевского дворца. Значит, ров защищал лишь небольшую часть территории современного Кремля, юго-западную оконечность мыса в устье реки Неглинной. Если пройти через современные Боровицкие ворота вдоль здания Оружейной палаты, то всю территорию древней крепостцы мы пересечем за несколько минут. Ведь она кончалась у ближайшего угла Большого Кремлевского дворца.

Уже одно то, что укрепления охватывали такую маленькую территорию, как будто бы указывало на большую древность их. Поэтому большинство исследователей (И.Е. Забелин, С.П. Бартенев, М.Н. Тихомиров и другие) считали, что эта крепость древнее Юрия Долгорукого, и только Н.Н. Воронин связывал ее со строительством Юрия в 1156 году.

И.Е. Забелин, признавая крепость более древней, все же не считал ее первой московской крепостью. Он предполагал, что Москва возникла не на устье реки Неглинной, а ниже по течению Москвы-реки, на устье реки Яузы.

С.П. Бартенев думал иначе. Остатки рва он считал первой крепостью, огородившей село, из которого возникла Москва. Но к XII веку, когда в этих краях появился Долгорукий, крепость уже несколько перестроилась и ров был якобы укреплен надолбами.

Так спорить можно было бы и дольше. Ведь ничего определенного историкам не было известно.

Но вот в 1959 - 1960 годах в Кремле в связи со строительством Дворца съездов снова развернулись большие земляные работы. И в одной из выработок, у самого угла Большого Кремлевского дворца, мы вдруг увидели тот древний ров. Он представлял собой в разрезе как бы опрокинутый вершиной вниз треугольник, углубленный в желтый песок и заполненный влажной, жирной темно-коричневой землей. Можно думать, что первоначально ров был глубиной метров в шесть или немного меньше, а шириной метров шестнадцать - восемнадцать. Дно его было чуть скруглено, но никаких следов надолб во рву обнаружить не удалось. Значит, если вертикально врытые бревна, о которых говорили очевидцы в прошлом столетии, и относятся к укреплениям, то скорее всего это не надолбы во Рву, а частокол на валу. За рвом в таких крепостях насыпался вал из той самой земли, что выбрасывали при рытье рва, а на валу ставился крепкий частокол. Частокол окружал, наверное, всю территорию крепостцы, а вал,

как и ров, был только в наиболее угрожаемом месте, там, где к мысу примыкало ровное плато, по которому мог легко подойти неприятель. Крутые берега рек Москвы и Неглинной были надежной защитой сами по себе, и на круче ставился только частокол. Такого типа крепостцы (их называют "мысовыми") ставились на Руси в X - XII веках. Но уже в XI веке эта система обороны стала себя изживать.

Что еще можно сказать о первом Московском Кремле? Конечно, в нем были ворота, но где именно - неизвестно. Наверное, правы исследователи, которые думали, что крепостца должна была иметь даже двое ворот - одни в сторону плато, другие - к одной из рек, скорее всего, к Неглинной. Но, разумеется, все это пока лишь предположения, которыми мы вынуждены довольствоваться, пока Кремль не будет более полно изучен археологически.

История Москвы, происхождение названия города вызывают непреходящий интерес как в нашей стране, так и за рубежом. На сегодняшний день выдвинуто множество различных гипотез, легенд и версий, которые с разной степенью убедительности и аргументированности объясняют происхождение топонима Москва. Сейчас бесспорным является лишь то, что в основе топонима лежит гидроним - название реки. Так из гипотез рождаются версии.

Балтская версия.

Чтобы понять, почему реку называли Москвой и почему ее название перенесли на город, надо разобраться в роли этой водной артерии в расселении и хозяйственной деятельности древнего населения края.

Название реки Москвы связано с ее особым географическим положением в Волго-Окском междуречье. Река как бы соединяла (через волоки и сеть своих притоков) бассейны Оки и Волги (а также - Днепра и Дона), предоставляя наиболее удобный путь для древних переселенцев. Следует помнить, что водные артерии были в те далекие времена намного удобнее, грузоподъемнее и, наконец, безопаснее, чем дороги, прорубленные в труднопроходимых лесах с плохо или совсем не оборудованными переправами через реки.

Все вышеизложенное дает основание выводить название реки Москвы из балтских слов: литовских *mazg* - "узел", *mezg*/*ioti* - "вязать"; латышских *mezg* - "узел" и *vandou* - "вода" то есть "узловая" или "связующая" вода. Судя по данным археологических раскопок, река Москва служила для балтских племен главной (центральной) рекой расселения, освоения новых мест, формирования родо-племенных центров и поселений - "узловая" река; основной рекой родо-племенных связей, сборов и походов - "связующая" река и, наконец, река - "узел" промыслово-хозяйственной деятельности и товарообмена. И очевидно, Юрий Долгорукий далеко не случайно основал город в излучине среднего течения реки Москвы, а также присвоил ему непонятное для нас (но, очевидно, вполне понятное для современников) название. Новый "мал деревян град" связывал кратчайшим путем Северо-

Восточную Русь с Черниговом и Киевом и прикрывал ее от возможных вторжений с юга.

Перенос гидронима Москва на укрепленный пункт, а затем и город-крепость содержал в себе для Юрия Долгорукого не только смысловую, но и политическую цель. Название Москва могло означать: применительно к территории - "узел рубежей, границ, поселений" или "узел (место скрещения, схождения) дорог, водных путей, маршрутов"; к укрепленному поселению - "узловой пункт, опорный узел", "связующий центр"; к городу - "узловой (главный, основной) город" на юго-западной окраине Ростово-Суздальского княжества.

Такое предположение не будет слишком преувеличенным, поскольку события последующих десятилетий показывают заметный рост военно-политического значения Москвы как города на юго-западных рубежах Ростово-Суздальского княжества. Историк С.Ф. Платонов, отмечая особое положение Москвы для Ростово-Суздальской земли во второй половине XII - начале XIII века, писал: "Москва - пункт, в котором встречают друзей и отражают врагов, идущих с юга. Москва - пункт, на который прежде всего нападают враги суздальско-владимирских князей. Москва, наконец, исходный пункт военных операций суздальско-владимирского князя, сборное место его войск в действиях против юга". В.О. Ключевский сказал об этом более кратко: "Москва - узловой пункт", вышеся эту характеристику в заголовок раздела своего "Курса русской истории".

Таким образом, название "Москва - узловой город" вполне вписывается в смысловой ряд названий древних городов Ростово-Суздальской земли: "Ростов - росток нового княжества", "Суздаль - город созидатель". Можно ли после этого возражать старинному московскому преданию "О зачале царствующего великого града Москвы како исперва зачатся", указывающему на Юрия Долгорукого как на основателя города Москвы. В нем говорится, что великий князь Юрий "взыде на гору и обозрев с нее очима своими семо и овамо [туда и сюда] на обе стороны Москвы-реки и за Неглинною и возлюбил села оные и повелевает на месте том вскоре соделати мал деревян град и прозва его званием реки тоя Москва град по имени реки, текуша под ним".

Финно-угорская версия.

Объяснение названия Москва как слова, принадлежащего одному из языков финно-угорской языковой семьи, было одной из первых гипотез, имевшей много сторонников. Обращение к языкам финно-угорской языковой семьи вполне логично, так как в бассейне Москвы-реки и на территории современного города известны археологические памятники и гидронимы, свидетельствующие о пребывании здесь в первой половине I тыс. н.э. народов, говоривших на языке финно-угорской языковой семьи.

При объяснении названия Москва на финно-угорской основе обычно исходят из того, что оно членится на два компонента: Моск-ва, подобно северо-восточным гидронимам типа Куш-ва, Лысь-ва, Сось-ва и др. Элемент "ва"

легко объясняется во многих финно-угорских языках как "вода", "река" или "мокрый" (например, в языках мерянском, марийском, коми). Выведение же основного компонента "моск" из финно-угорских языков вызывает большие трудности, потому что он не может быть объяснен убедительно фактами ни одного из этих языков, а приблизительно - из многих и в разных значениях. В коми языке "моск" можно соотнести со словами "моск", "моска", что значит "телка", "корова". И тогда Москва значит "коровья река" (река-кормилица). Это предположение горячо поддержал известный историк В.О. Ключевский, что и придало версии особую популярность. Однако очень скоро неубедительность объяснения названия Москва из коми языка стала явной, поскольку коми никогда не проживали на территории, близкой к Москве-реке. К тому же между северо-восточными гидронимами на "ва" и названием Москва на протяжении нескольких тысяч километров аналогичных не встречается. Ученые быстро отказались от этой гипотезы, как от несостоятельной.

Отсутствие точного или хотя бы достаточно убедительного объяснения компонента "моск" толкало ученых на новые поиски. Географ С.К. Кузнецов, владевший многими финно-угорскими языками, предложил объяснить "моск" через мерянское слово "маска" (медведь), а элемент "ва" - как мерянское "ава", что значит "мать", "жена". Получалось, что Москва-река - это Медвежья река, или река Медведица.

Существует и третья версия о финно-угорском происхождении названия Москва. Она заключается в том, что компонент "моск" объясняется из прибалтийско-финских языков (суоми), а компонент "ва" - из коми языка: "моск" как *musta* - "черный", "темный", а "ва" - "вода", "река". Непоследовательность в данном случае состоит в том, что каждая часть гидронима объясняется из разных языков, удаленных друг от друга. Если бы это слово принадлежало финнам (суоми), то вторая его часть была бы не "ва", а "веси" - "вода" или *joki* -- "река". И тогда перевод названия как "черная, темная вода" был бы возможен. Москва-река значило бы "грязная река" или "мутная река", "темная река". Названия рек по темному цвету воды известны в бассейнах многих рек: реки Грязная, Грязнуха, Мутная, Мутенка, Темная (бассейн Оки); река Грязива, балка Грязна, реки Мутенка, Темна (бассейн Днепра) и др. Но перед нами название Москва, а не Москвесь или Москока (Москеки), и, следовательно, это не дает нам права объяснить его как "мутная река".

Таким образом, ни одна из этих гипотез не удовлетворяет взыскательного исследователя, поскольку не учитывает всех лингво-исторических обстоятельств. В настоящее время гипотеза о финно-угорском происхождении названия Москва практически не поддерживается никем из ученых.

Славянская версия.

Более убедительной гипотезой по сравнению с изложенными выше в настоящее время является гипотеза о славянском происхождении названия

Москва. В основе этой гипотезы лежит тщательный лингвистический анализ, проведенный известными учеными, и реальные исторические факты. Но славянских гипотез о происхождении слова Москва очень много, и они находятся на разных качественных уровнях теоретического исследования. Некоторые из них не выдерживают элементарной критики, так как по существу являются легендами или случайными предположениями.

Наиболее убедительные славянские этимологии были выдвинуты такими большими учеными, как С.П. Обнорский, Г.А. Ильинский, П.Я. Черных, польским славистом Т. Лер-Сплавинским и др. Суть их сводится к следующему.

Анализировать следует форму Москы, а не Москва, так как эта последняя стала названием города только примерно в XIV веке, а до этого времени существовало не двухкомпонентное слово Моск-ва, а слово Москы, склонявшееся по типу буки (буква), тыки (тыква), свекры (свекровь) и т.д. без элемента "ва". В корне "моск" элемент "ск" мог чередоваться с "зг", а сам корень в древнерусском языке имел значение "быть вязким, топким" или "болото, сырость, влага, жидкость". Ему родственно современное выражение "промозглая погода, мозглая погода" - мокрая, дождливая погода. Так считал Г.А. Ильинский. П.Я. Черных сделал предположение о диалектном характере слова "москы" еще на раннем этапе развития древнерусского языка. Это слово, по его мнению, было в языке вятичей, которые пришли в бассейн Москвы-реки с юга. В языке (диалекте) кривичей ему соответствовало в тех же значениях слово "вълга", от которого образовано название великой русской реки Волга. Кривичи пришли в бассейн Москвы-реки с запада и принесли с собой это слово. Исследователи установили, что слово "москы" по своей семантике связано со значением "влага" и имеет подтверждение в других славянских и даже балтийских языках. Это названия рек Mozgawa (или Moskawa) в Польше и [Германии], река Московица (или Московка) - приток реки Березины, ручей Московец, неоднократные балки Московки на Украине. В словацком языке есть даже нарицательное слово moskwa со значением "влажный хлеб в зерне" или "хлеб, собранный с полей (в дождливую погоду)". В литовском языке есть глагол mazgoti - "мыть, полоскать", а в латышском moskat- "мыть".

Все приведенное выше говорит о том, что значение названия Москва - "топкая, болотистая, мокрая". Именно такой ее Увидели наши предки-славяне, которые дали ей имя; признак топкости, болотистости имел для них важное значение. Исходя из этого можно предположить, что река получила название в самых верховьях, так как она вытекает из некогда топкого болота, получившего впоследствии название Москворецкая лужа. Об этом сказано в "Книге Большому Чертежу" (1627): "А Москва-река вытекала из болота по Вяземской дороге, за Можайском, верст тридцать и больше".

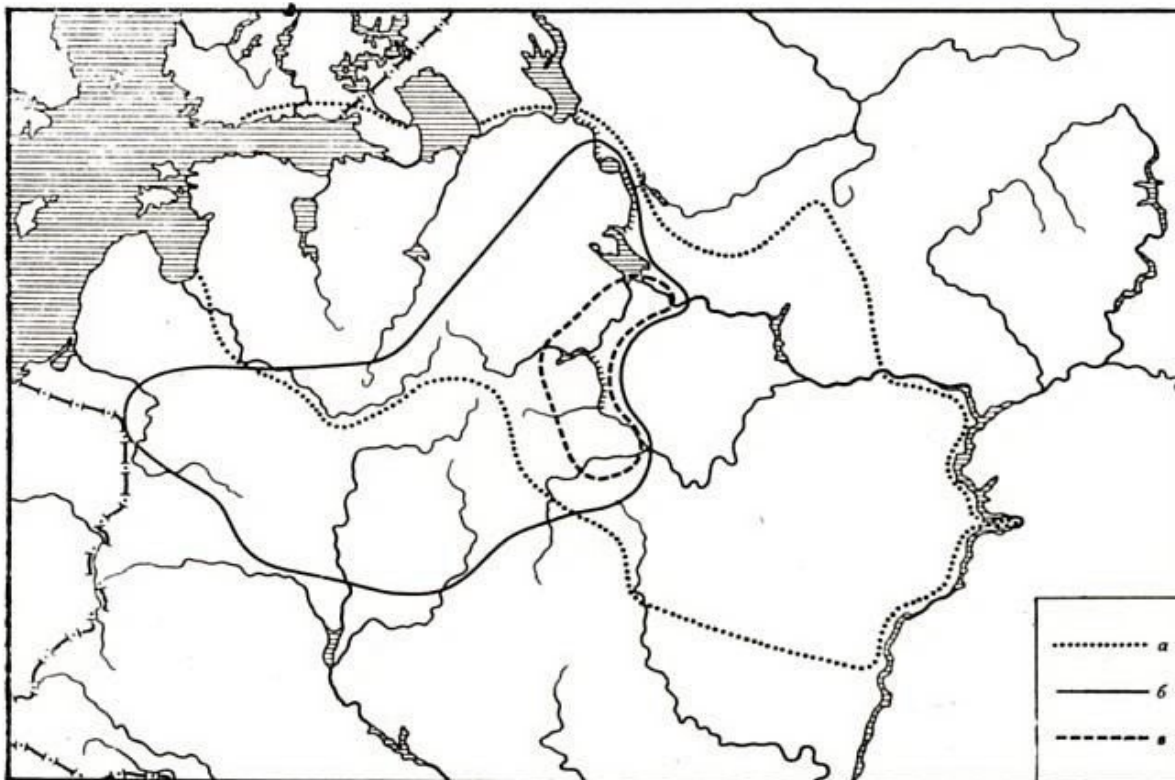
Народные этимологии и легенды о происхождении названия Москва часто пытаются осмыслить поэты и писатели и придают им форму различных поэтических жанров. А.Векслер в своей книге "Москва в Москве", посвященной новым археологическим находкам на территории Москвы,

приводит своеобразное былинное объяснение названия Москва, являющееся народной этимологией, извлеченное из книги Дмитрия Еремина "Кремлевский холм". Постаревший и ослабевший Илья Муромец, некогда могучий богатырь и гроза всех врагов земли Русской, возвращался из Киева домой. В пути его настигла смерть, и похоронили его под высоким курганом у большой реки. И вот из могилы послышались слова:

Будто вздох прошел: "Надо мощь ковать!" И второй дошел - только "мощь кова..." В третий раз дошел - только "Мос... кова". Так и стала зваться река: Москва.

Сторонники славянского происхождения названия Москва исходят из той посылки, что Москва-река не имела названия до прихода сюда славян, однако в действительности дело могло обстоять иначе. Но именно здесь и начинается сложный протолингвистический анализ. Данную ситуацию особенно усложняло то обстоятельство, что по материалам изучения так называемой Дьяковской археологической культуры Волго-Окского бассейна учёные сделали вывод: часть памятников этой культуры скорее всего принадлежат предкам славян. *Точнее иофетидами т. е. сынами библейского патриарха Иафета до разделения их на народы.* Датируется Дьяковская культура 2-й половиной 1 тысячелетия до н. э. и 1-й пол. 1-го тыс. н. э.

Карта 7

Ареалы сетчатой керамики, грузиков дьяковского типа, и памятников дьяковской культуры.

а — сетчатая керамика; **б** — грузики дьякова типа; **в** — памятники дьяковской культуры

А к концу 1-го тысячелетия н. э. на этих территориях славянское население стало, очевидно преобладать (при том, что западная часть территорий сохранила следы пребывания балтов).

Этнографические особенности Волго-Окского региона вынуждают опробовать новый подход к осмыслению и дешифровке термина МОСКВА. Стратегия нового подхода заключается в том, чтобы использовать для этой цели вошедшие в состав слов многих евразийских языков речевые элементы реликтового протоиндоевропейского языка, которые в свое время являлись простейшими звуковыми кодами понятий, необходимых патриархально-родовому сообществу людей в качестве хотя бы приблизительных ориентиров в повседневной жизни. Реликтовые звуковые коды (назовем их археоморфами) постепенно превращались в односложные слова протоиндоевропейского языка, способные складываться в простейшие выражения (назовем их археоглоссами). Для подавляющего большинства языков северного полушария планеты изначальной базой является общий набор археоморф, - это своеобразный набор языковых "генов" каждый из которых "заведует" своим кругом родственных понятий. С помощью современной компьютерной техники достаточно просто свести все существующие археоморфы и определяемые ими понятия в общеописательную схему (наподобие известной таблицы Д.И. Менделеева), - такой схемой удобно пользоваться в практике этимологических изысканий; своего рода Азбука археоморф.

Используем фрагменты этой Азбуки-схемы для объяснения названия Москва и его "водяного", как некоторые считают, окончания "-ва".

Нет, протоиндоевропейское слово "ва" означало не "вода" (как в современном коми языке), а вполне определенно соответствовало понятиям "охват", "захват", "занять", "поместить", "вместилище". Археоморфа ВА легко различается в словах ухВАт, ВАза, ВАл, оВАл, ВАнна, СеВАН (озеро), ВАта, сВАтать и др. И если археоморфа ВА сохранилась в начале или в конце слов ВАРвар, голоВА, короВА, то это вовсе не значит, что голова или корова наполнены водой, а варвары - обитатели непременно болотистых мест.

Понятие "вода" (в смысле - "течение", "поток") обозначались реликтовыми протоиндоевропейскими словами "да", "до", "ду" (сочетание археоморф ДО + У). Понятие "река" в глубокой древности обозначалось парой протоиндоевропейских односложных слов "да на" (то есть - "течет здесь"), "до на" (то есть - "протекает здесь"), "ду на" (то есть - "протекает внутри здесь"). Сравните названия хорошо известных европейских рек ДНепр (в древности Днепр назывался Данапр -- то есть "течет здесь порогами"), ДНестр, ДОН, ДУНай.

Можно сказать даже больше: в прото-индоевропейском языке наряду с привычным для нас словом "вода" наверняка было в ходу и слово "вада". Тут требуется пояснение: современное русское слово "вода" сочетание двух архаических морф ВО + ДА (или БО + ДА, что равнозначно). Если учесть, что в глубокой древности ВО (или БО) означало класс понятий "большой",

"большое", "внутри", "внутренность", "чрево", "нутро" (сравните русские слова "жиВОт", "ВОл", "БОчка"), то в сочетании двух элементов ВО + ДА можно легко различить "большой" + "поток". Значит, слово "вода" мы вправе объяснить переводом с протоиндоевропейского: "Большое течение", "Большой поток".

Материалы раскопок былых поселений свидетельствуют о том, что древнее население этого региона почти тысячу лет (начиная с первых веков новой эры и до конца первого тысячелетия) проживало в обстановке мирного благополучия. Если на рубеже новой эры основным типом дьяковского поселка были небольшие городища, расположенные на труднодоступных местах по берегам рек, надежно укрепленные валами, рвам и прочими крепостными сооружениями, то позже (с появлением племен под общим названием Вятичи) преобладает другой тип - открытые селища без оборонительных укреплений.

Здесь важно подчеркнуть: Вятическая цивилизация, представители которой составили ядро населения Московского края, отличалась исключительно мирным характером. На протяжении доброй тысячи лет вятические земли в центре Восточной Европы были чем-то вроде благословенного острова в океане кровавых междоусобиц, вторжений, грабительских войн и разрушительных нашествий. Вятичам практически незачем было строить города с мощными крепостными укреплениями, совершенствовать производство холодного оружия, создавать обученные военному делу хорошо вооруженные дружины. Вооружение подразделений местных блюстителей порядка вряд ли отличалось чем-то особенным от экипировки обычного охотника: копье, нож, лук и стрелы. Судя по данным археологии, на вятической земле даже боевые топоры были в диковину, не говоря уже о мечах. Надо полагать, большинство Вятичей и в глаза не видывало настоящих профессиональных воинов той эпохи русских витязей, норманских викингов, западноевропейских рыцарей. Случай ознакомиться с ними представился Вятичам, видимо, лишь в 964 году, когда один из самых талантливых полководцев древней Руси киевский князь Святослав (сын и преемник весьма известных в русской истории князей Игоря и Ольги) предпринял военный поход на Хазарский каганат в обход враждебных печенежских кочевий - через вятические земли с выходом на Волжскую Булгарию. И легко можно представить себе, какое ошеломительное впечатление произвела на мирных обывателей армия Святослава - рослые воины-богатыри в блистающих железных доспехах, с головы до ног увешанные невиданными в этих краях стальными мечами, кинжалами с серебром и медью на рукоятях, боевыми зеркально отшлифованными топорами, устрашающей формы железными булавами. Звон кольчуг, лязг оружия и доспехов, грохот окованных металлом червлёных щитов...

До визита, нанесенного Вятичам окованной железом дружиной Святослава, в речевом обиходе местного населения вряд ли были в частом употреблении хорошо известные в других регионах Руси слова: "мощь", "мощный", "мосики", "мужчина", "мазь", "мучиться". Причина, слава Богу, чисто прагматическая - тысячелетний путь мирного развития вятической

цивилизации. Ибо все эти слова - слова военные.

Ратные, если угодно. Правда, здесь они приведены в современной транскрипции, во времена княгини Ольги и князя Святослава Эти слова и их производные писались и звучали несколько по-иному. Скажем, в русском языке звуки "щ" и "ч" появились в эпоху средневековья - во многих случаях они заменяли собой звуко сочетание "ск". Поэтому вместо звука "щ" в обычном для нас теперь слове "мощь" наши предки произносили звуко сочетание "ськ", и получалось "моськ" (или "мосики", если учесть, что мягкий знак в древнерусском языке трансформировался из звука "и"). Почти как в басне Крылова: "Аи, моська, знать, она сильна..."

Но это еще не все фонетические приключения, выпавшие на долю слова "мощь" (оно же - "мосики") за время его формирования. На раннем этапе формирования слово "мосики" представляло собой фразу из древних односложных слов "мо си ки", в которой слово "мо" образовалось из слияния двух реликтовых слов "ма" и "о". Вот теперь мы дошли, что называется, до самого донышка истории формирования слова "мощь", - все свелось к сочетанию археоморф МА + О + СИ + КИ, то есть к фразе "ма о си ки" на давно забытом языке.

Просто интересно, чего же такого "мощного" усматривали наши далекие предки в этой забавно звучащей для слуха современного человека коротенькой фразе?.. Теперь, когда в ней восстановлен реликтовый набор составлявших ее первичных словесно-смысловых символов (археоморф), опытному дешифровщику вполне по силам выявить изначальный, затерянный в прошедших тысячелетиях смысл слова "мощь".

Итак, имеется набор археоморф МА + О + СИ + КИ.

Тут за археоморфой МА следует археоморфа О, которая определяет понятия "внутри", "в". Сочетание МА + О очень просто переводится на современный русский язык одним из трех фразеологических вариантов, близких по смыслу: "Много внутри", "Многие в", "Люди в". Какой из этих вариантов перевода окажется более логичным, более к месту в древней фразе "ма о си ки" - подскажет нам дешифровка оставшихся СИ и КИ.

Археоморфа СИ - одна из самых своеобразных морф реликтового языка. Вроде бы на роду ей было написано сиять, как говорится, в славе своей, и только. Ибо практически понятия, которые древние наши предки выражали с ее помощью, можно было бы обозначить современными русскими словами "сияние", "сверкать", "свет", "белый", "видеть", "прозрачный", "снежный", "светило", "блеск", "молния", "молоко".

Но продолжим рассказ об очень непростой и, даже можно сказать, драматической в определенном смысле истории археоморфы СИ. Первый удар по сиятельно-беломолочной репутации этой археоморфы был нанесен еще людьми каменного века, когда самые сообразительные из них изобрели новый способ обработки кремниевых ножей. Дело тут вот в чем. Древнее

название кремня - "силикат" - уже включало в себя археоморфы СИ.

Археоглосса СИ + ЛИ + КА + ТА легко переводится на современный русский язык: "Прозрачная вода отдельные перемещает" (то есть понятно: люди искали и находили нужные для заготовок кремни среди обкатанных булыжников речной гальки - кремни были хорошо заметны сквозь прозрачную воду). Новоизобретенный способ отщипа ножевидных пластинок от заготовок - нуклеусов - позволял получать очень тонкие кремниевые лезвия, полупрозрачные по режущей кромке. Мы уже знаем, что СИ определяет понятие "прозрачное"; по логике тут рукой подать до полупрозрачности режущей кромки кремниевого лезвия, а также - до самой ее режущей функции. Так под эгиду СИ вошли понятия "резать", "разрез", "порез", "порезаться", "срезать". Фигурально выражаясь - под эгидой СИ пролилась первая кровь... Поэтому нет ничего удивительного в том, что белоснежно-сиятельная археоморфа СИ на вполне законном основании вошла в структуру "режущих" слов: леЗ(И)вие, реЗИ (режущая боль), СИла, раЗИть, маЗИ (в современном русском языке смысл этого древнего слова смягчен, поскольку при дешифровке археоглоссы Ма + СИ получаем малосимпатичный результат перевода: "Много порезов" или "Люди порезанные", "Людей порезали").

С открытием способов производства бронзового оружия (эпоха энеолита) ситуация усугубилась: бронза не только ведь блестит - СИ, но и замечательно режет - СИ.

А с открытием способов производства железного оружия (примерно за полторы тысячи лет до новой эры) ситуация, как говорится, полностью вышла из-под контроля. Железо - это металл серебристо-белого цвета - СИ, оружие из железа сильно блестит - СИ, а уж режет - СИ - лучше не надо: люди валяются как снопы, снопы - как люди... Теперь археоморфа СИ становится элементарным носителем не только понятий "светлый", "блестящий", "резать", "зарезать", но и понятий "железный", "железо". Недаром в древнегреческом языке понятия "железо", "меч", "топор"... и "бесчувственность" назывались одним словом - СИдерос. В латинском языке кинжал назывался СИка, разбойник - СИкариус. В славянских языках слово СИла на заре истории соответствовало многим понятиям светлого, если можно так выразиться, генезиса: "молочное питание", "снежная вершина", "светлоголовый" (т.е. - "светло-русый", "блондин"), "сияющие вершины", "разряды молний" (видимо, отсюда пошло русское восклицание "Силы небесные!..). А вот с наступлением "железного века" русское слово "сила" расширило границу своих значений и стало соответствовать также и понятиям "железная шея", "железная голова" (т.е. речь здесь идет о защитных железных шлемах), "железные наконечники" (для стрел и копий).

Проследивая драматический путь "постепенной милитаризации" археоморфы СИ, нельзя не сказать несколько слов об археоморфе КИ -самой грозной, самой что ни есть милитаристской и разбойной из всех

археоморф реликтового языка. Эта археоморфа определяет собой круг понятий вполне смертоносного свойства: "заколоть", "убить", "поразить насмерть", "орудие убийства", "грозный", "боец", "воин", "военные", "воинский", "угрожать", "смертельная угроза", "разбой". Доказательством могут служить русские и нерусские слова, в которых укоренилась смертоносная архео-морфа: КИнжал, КИстень, КИвер, КИраса (то же - КИрза, т.е. - "панцирь"), КИлл (англ. "убивать", "закалывать", отсюда же КИллер - "убийца"), КИНг (буквально: "грозный появился"; англ. "король") виКИнги (буквально: "отряд разбойников северных"), КИБела (грозная богиня фригийского происхождения), Кишлак (ср.-аз. военизированный поселок), ТоКИо и КИото (японские. Города, построенные на месте бывших крепостей, либо - вблизи мест былых кровопролитных сражений или крупных природных катастроф), мальчиш-КИБальчиш (неизвестно где А. Гайдар взял это слово -КИБальчиш, - однако буквальный его перевод на современный язык таков: "Грозный силач хочет быть вооруженным полностью"), тюрКИ, саКИ, козаКИ, сеКИра, КИт (сокращенное слово КИти - буквально: "грозный хвост"), КИтай-город.

Очень странный, на первый взгляд, московский топоним КИтай-город вызывает недоумение даже у коренных москвичей, - ведь понятно, что этот топоним не связан с обозначенным на Карте Мира названием великой центральноазиатской страны. Но почему же именно КИТАЙ-город? . Пора, наконец, внести в темный вопрос полную ясность, благо значение археоморфы КИ мы уже знаем. Осталось расшифровать сочетание археоморф ТА + И. В древности эта пара в сочетании означала понятия "напасть", "нападение", "выпад", "напасть хотят", "набег", "вторжение". В целом термин КИТАЙ можно перевести на современный русский язык как "угроза нападения", "угроза вторжения". Делаем логический вывод: КИтай-городом называлось место городского строительства молодой Москвы, которое нужно было укреплять из-за угрозы возможного вторжения врагов, - очевидно, на первых порах это место было слабо защищено по причине отсутствия надежных фортификационных сооружений и требовало к себе особого внимания как опасное место (на случай непредвиденного нападения). В дальнейшем "больной" вопрос был решен за счет строительства оборонительной стены в самом КИтай-городе, - а затем и вне его была возведена оборонительная стена вокруг так называемого Белого города, - но память об опасном для Москвы месте осталась в городском топониме "КИтай-город". ПРИМЕЧАНИЕ: Кстати заметить, самоназвание китайской державы -Чжунхуа, самоназвание китайского народа (собственно китайцев) - хань, -ни там, ни тут нет ничего похожего на слово "КИтай". Но таким словом назывались пограничные земли Северного Китая, и это напрямую говорит об опасностях, связанных с периодическими вторжениями тюркских народов, - в том регионе термин КИТАЙ как нельзя более к месту, ибо содержит в себе известное нам понятие "угроза нападения".

После выявления суровых ипостасей археоморфы СИ и буквально убийственных -археоморфы КИ, стоит ли удивляться тому, что в словах милитаристского, так сказать, плана эти две археоморфы, словно близнецы, довольно часто оказываются рядом, образуя тесную пару СИ + КИ, оба

члена которой сливаются теперь в одно четкое понятие: ЖЕЛЕЗО ВОЕННОЕ или, точнее, ЖЕЛЕЗО ВОИНСКОЕ. Это понятие -главный результат, достигнутый в процессе дешифровки русского слова "мощь", историю формирования которого мы уже проследили до очень древнего предложения "мо си ки", возникшего на базе еще более древней глоссы МА + О + СИ + КИ. Опираясь на полученные результаты, можно дешифровать археоглоссу эту (а значит - и слово "мощь") с совершенной математической точностью:

МА - "люди"

О - "в" или "внутри"

СИ - "железо"

КИ - "военное" или "воинское".

В итоге: МА + О + СИ + КИ = "мо си ки" = "мощь" = "Люди внутри железа военного" или "Люди внутри железа воинского". Понятно, что речь здесь идет о людях защищенных железными доспехами, о профессиональных военных. Дешифровка слова "мощь" открывает путь к дешифровке термина МОСКВА. В самом деле, в слове "Москва" есть пары уже знакомых нам звуковых сокращений: МО = МА + О = "Люди внутри (или "Люди в") и пара СК, значение которой _ угадывается, но еще нуждается в прояснении. А в конце слова присутствует археоморфа ВА, которая, как мы знаем, в эпоху владычества реликтового языка выражала собой понятия "охват", "захват", "вместилище", "поместить", "занимать". Значит, чтобы понять смысл слова "Москва", нам по-видимому, остается лишь добиться четкого представления о звуковых реалиях, спрессованных в паре СК. Что тут на самом деле? Знакомые нам СИ + КИ? Или нечто еще неизвестное?.. О том, что в русском языке созвучие "ск" часто маскируется новоявленными звуками "ч" и "щ", уже говорилось выше. (Добавим сюда и звук "ц", в котором тоже частенько гнездится созвучие "ск"). В каких же типах русских и - шире -славянских названий настойчивее всего проявляет себя созвучие "ск" в открытой и скрытой формах? Ну, прежде всего в аристократических фамилиях. Кому не известны фамилии Баратынский, Разумовский, Хмельницкий, Шуйский! Созвучие "ски", "цки" здесь явно высвечивает то обстоятельство, что владельцы таких фамилий либо сами принадлежат к привилегированному сословию воинов, либо являются потомками воинов-аристократов.

Обилие названий древнерусских городов с окончаниями на "-чи", "-ци", "-цк", "-чьск", "-ск" говорит само за себя, -все эти города в прошлом наверняка были крепостями, где несли ратную службу крупные гарнизоны. Примеров сколько угодно: г. Галич (столица Галицкого княжества), г. Бежицы (он же г. Бежицы, в Новгородской земле), г. Удечь (в Галицкой земле), г. Ростовец (он же Растовьць, в Киевской земле), г. Слуцк (он же г. Случеск, в Волынской земле), г. Мичьск (в Киевской земле), г. Смоленск (он же Смоленьск, центр Смоленской земли) и др. древнерусские города. Показательный факт: в земле Вятичей города-крепости с гарнизонами ратников возникают позже вышеперечисленных городов в других русских землях - г. Домагощь и г.

Мценск впервые упоминаются в Ипатьевской летописи XII века (полтора столетия спустя после похода Святослава). Лязгающая оружием пара археоморф СИ + КИ в открытой или скрытой формах проявляет себя и в этнонимах - названиях и самоназваниях племен, народов, этнических групп, союзов, местожителей. Например: сикхи, этруски, русские (русичи), Кривичи, Радимичи, Немцы, Половцы, Новгородцы (по текстам Лаврентьевской и Ипатьевской летописей - Немци, Половци, Новгородци).

В этнониме "Вятичи" тоже есть созвучие "-чи", которое в свою очередь образовано из сочетания археоморф СИ + КИ, означающего, как мы уже знаем, "железо воинское". О чем это говорит? О том, что несмотря на свое потомственное миролюбие, племя Вятичей в далеком прошлом было племенем воинов, умевших постоять за себя в каких-то экстремальных ситуациях. Согласно летописному преданию, название этого племени произошло от имени их легендарного родоначальника Вятко: "А Вятко седе родом своим по Оце, от него же прозвашася Вятичи". (В переводе на современный язык ВЯТИЧИ - "воины Вятко".)

Практически в каждой книге, в каждой статье о начале Москвы упоминается знаменитая Ипатьевская летопись под 1147 годом. В основном, цитируют из нее фрагмент, в котором повествуется, как в том году Ростово-Суздальский князь Юрий Владимирович Долгорукий пригласил к себе в гости своего союзника и соседа по княжествам Святослава Ольговича; цитата заканчивается словами Долгорукого: "Приди ко мне, брате, в Москов". Это первое упоминание термина МОСКВА в летописных источниках. Возникает вопрос: куда же все-таки приглашал князь Юрий князя Святослава в гости, называя Москву? Ясно, что не в реку Москву. В город Москву? Но город-крепость Москва будет выстроен сыном Долгорукого Андреем еще только через девять лет в 1156 году! В "замок", или лу^ше сказать - вотчину боярина Кучки? Но из истории хорошо известно, что вотчина боярина Кучки называлась не Москва, а Кучково. И потом, ведь князь Юрий приглашал Святослава не просто в местность с географическим названием Москов, а К СЕБЕ в Москов, то есть в свою княжескую резиденцию, называемую Москов.

Итак, делаем выводы. В 1147 году для князя, приглашенного в гости, и князя хозяина термин МОСКОВ служил названием не реки, не города, которого еще не было, и не местности вообще, а весьма локального, укрепленного рвом и валом участка на Боровицком холме - старинного опорного пункта Киевской метрополии. Изначально этот участок был предназначен скорее всего для нужд полюдьа (выполнял функции становища) и, конечно, охранялся гарнизоном, состоящим из профессиональных военных. Как мы уже знаем, мирное население называло профессиональных военных словом "мосики", что равнозначно современному русскому слову "мощь". Слово "мощь" и слово "мосики" ведут свою родословную от древнего выражения "ма о си ки", что в переводе с реликтового языка на современный означает буквально: "Люди внутри железа воинского" (то есть имеются в виду люди в военных доспехах).

Поскольку для Вятичей воин в железных доспехах был в диковину, слово

"мосики" быстро приобретает здесь популярность; а после ухода "железных" полков Святослава Игоревича, народная молва, естественно, переносит этот термин на охраняющий становище гарнизон. В дальнейшем место дислокации гарнизона (мыс между реками, где расположен Боровицкий холм) стало известно под несколькими вариантами слабо отличающихся друг от друга названий: "в Москов" (Ипатьевская летопись под 1147 г.), "на Москве" (Суздальская лет. по Лаврентьевскому списку под 1175 г.), "На Моськви" (Ипатьевская летопись под 1175 г.), "на Московь" (Суздальская лет. по Лавр. сп. под 1177 г.). Сюда же уместно присовокупить и производные от этих названий: "Москвляне" и вариант "Московляне" (Ипат. лет. под 1176 г.), "Московские" (Сузд. лет. по Лавр. сп. под 1362), "Московский" (там же). Вот на какой лингвистической базе появились современные термины МОСКВА, МОСКОВСКИЙ, МОС-КВИЧИ.

Здесь обращает на себя внимание одно немаловажное обстоятельство: в некоторых странно звучащих теперь для нашего слуха вариантах названий Москвы и москвичей древние летописцы добавляли мягкий знак или гласную "и" к согласным "с", "к", "в": на МоСькВИ, мосКьвляне, МоскоВь, москоВьский. Такие добавления происходили не без причины: в русском языке мягкий знак появился сравнительно недавно, он заменял собой гласную "и" (гораздо реже - гласную "е"). Значит, появление мягкого знака в середине или в конце слова-сигнал о том что когда-то в этом месте находилась звук "и". Вышеприведенные слова мы совершенно вправе прочесть так: на МоСИкВИ, мосКИвляне, МоскоВИ, москоВИский. Отсюда ясно: каковы ни были бы варианты названия нашей столицы в прошлом - во всех вариантах четко проступают контуры тесной пары археоморф СИ + КИ. Теперь, зная, что современному термину МОСКВА предшествовал раннесредневековый термин МО-СИКИВИ, мы получаем уникальную возможность восстановить древний смысл названия нашей столицы буквально с математической точностью. Для этого достаточно присовокупить к известному нам слову "мосики" осмысленное окончание "-ви", и дешифровка названия нашей столицы будет завершена. Археоморфа ВИ в реликтовом языке заведовала понятиями которые на современном русском языке можно обозначить словами "обнимать", "обвивать", "обвиться". Но не только. Опосредованно ею обозначались понятия "соединиться", "объединенные", "вместе", "совместно", "вдвоем". Недаром археоморфа ВИ присутствует в современных словах "ВИток", "ВИноград", "ВИнт", "ВИдеть" и во многих других. С учетом этого, мы вправе прочесть древнее выражение "ма о си ки ви", в дальнейшем трансформированное в раннесредневековое слово "мосикиви", следующим образом:

1-й вариант: "Люди внутри железа воинского вместе";

2-й вариант: "Люди в доспехах вместе";

3-й вариант: "Люди в кольчугах объединенные". Или короче: "Воинский отряд".

Все три варианта прочтения идентичны: в них говорится о гарнизоне

профессиональных военных, об отряде воинов.

Судя по летописным источникам, в конце XII века термин МОСИКИВИ проходил трансформацию в термин МОСКВА. По сути дела, это один и тот же термин в трех мало отличающихся друг от друга формах. Замена КИ на КО и ВИ на ВА в принципе смысл термина не меняет. Давайте проверим. Археоморфа КО в реликтовом языке отражала понятия "бить", "колотить", "стучать", "клепать", "долбить". Недаром она присутствует в словах "КолоКОл", "КОл", "КОВАть", "подКОВА", "КОльчуга", "КОлеса". Значит, древнее слово "мосики" практически тождественно древнему слову "мосико", ибо последнее можно перевести на современный язык понятием "Люди внутри железа склепанного (кованного)"; то есть речь здесь опять-таки идет о людях в панцирях (в доспехах, в кольчугах). Археоморфа ВА, как мы уже знаем, в реликтовом языке отражала понятия "захват", "охват", "вместилище". Значит, термин МОСИКОВА можно перевести на современный язык понятием "Людьми в доспехах захвачено" или "Людьми в кольчугах занято"; то есть ничего ровным счетом не изменилось в принципиальном плане: речь здесь идет о выделенном народной молвой местонахождении профессиональных воинов, о местонахождении мощного гарнизона.

С XII века до наших дней прошло восемьсот с лишним лет, термины того времени МОСИКИВИ и МОСИКОВА за эти столетия утратили гласные звуки "и", "о", и таким образом термин МОСКВА обрел, наконец, известное фонетическое благозвучие. А гласные "и", "о" проявляют себя до сей поры в терминах МОСКОВИЯ, МОСКОВ-СКИЙ, МОСКВИЧИ, в фамилиях (напр. - Москвин).

Вернёмся же теперь к московской истории, к её недосказанным моментам. Учебная да и научно-публицистическая историческая литература почти ничего не говорит о великоросском менталитете сложившемся после колонизации Волжско-Окского междуречья славянами.

Заселение Московского края славянскими племенами произошло не сразу. Исследователи установили, что это был длительный процесс, продолжавшийся несколько столетий.

Характер славянской колонизации.

8. Ни в письменных памятниках, ни в народных преданиях великороссов не уцелело воспоминаний об упорной и повсеместной борьбе пришельцев с туземцами. Сами колонисты не вызывали туземцев на борьбу. Они принадлежали в большинстве к мирному сельскому населению, уходившему из юго-западной Руси от тамошних невзгод и искавшему среди лесов Севера не добычи, а безопасных мест для хлебопашества и промыслов. Происходило заселение, а не завоевание края, не порабощение или вытеснение туземцев. Могли случаться соседские ссоры и драки; но

памятники не помнят ни завоевательных нашествий, ни оборонительных восстаний. Указание на такой ход и характер русской колонизации можно видеть в одной особенности той же географической номенклатуры Великороссии. Финские и русские названия сел и рек идут не сплошными полосами, а попеременно, чередуясь одни с другими. Значит, русские переселенцы не вторгались в край финнов крупными массами, а, как бы сказать, просачивались тонкими струями, занимая обширные промежутки, какие оставались между разбросанными среди болот и лесов финскими поселками. Такой порядок размещения колонистов был бы невозможен при усиленной борьбе их с туземцами.

Финские черты.

В русскую среду проникло немало физических и нравственных особенностей, унаследованных от растворившихся в ней финнов.

I. Надобно допустить некоторое участие финского племени в образовании антропологического типа великоросса. Наша великорусская физиономия не совсем точно воспроизводит общеславянские черты. Другие славяне, признавая в ней эти черты, однако замечают и некоторую стороннюю примесь: именно, скуластость великоросса, преобладание смуглого цвета лица и волос и особенно типический великорусский нос, покоящийся на широком основании, с большой вероятностью ставят на счет финского влияния.

II. То же влияние, кажется, было небезучастно и в изменении русского говора. Киевская Русь говорила на о, окала. Московское наречие, усвоенное образованным русским обществом как образцовое, некоторыми чертами отступило от говора древней Киевской Руси: гаварить по-масковски - значит едва ли еще не более нарушать правила древнерусской фонетики, чем нарушает их владимирец или ярославец. Московский говор - сравнительно позднейший, хотя его признаки появляются в памятниках довольно рано, в первой половине XIV века, в одно время с первыми политическими успехами Москвы. Древняя фонетика Киевской Руси особенно заметно изменялась в северо-восточном направлении, т.е. в направлении русской колонизации, образовавшей великорусское племя слиянием русского населения с финским. Это наводит на предположение о связи обоих процессов. Даль допускал мысль, что акающие говоры Великороссии образовались при обрусении чудских племен.

III. Народные обычаи и поверья великороссов доселе хранят явные признаки финского влияния. Племена эти поклонялись силам и предметам внешней природы, не олицетворяя их: мордвин или черемис боготворил непосредственно землю, камни, деревья, не видя в них символов высших существ. У поволжских финнов особенно развит культ воды и леса. Мордвин, чуваш, находясь в чаще леса или на берегу глухой лесной реки, чувствует себя в родной религиозной сфере. Некоторые черты этого культа целиком перешли и в мифологию великороссов. У них, как и у финнов, видною фигурой на мифологическом Олимпе является леший и является у

тех и других с одинаковыми чертами: он стережет деревья, корни и травы, имеет дурную привычку хохотать и кричать по-детски и тем пугать и обманывать путников. В эпосе западных прибалтийских более развитых финнов (Калевале) встречаем образ водяного царя. Водяного знают и в других краях России. Наконец, в преданиях, занесенных в древние жития великорусских святых, можно встретить и следы поклонения камням и деревьям, плохо прикрытые христианскими формами и незаметные в южной и западной России.

IV. Наконец, надобно признать значительное влияние финских туземцев на состав общества, какое создавала русская колонизация Верхнего Поволжья. Мы не замечаем в туземном финском населении признаков значительного социального расчленения, признаков деления на высшие и низшие классы: все это население представляется сплошной однообразной сельской массой. Но мы видели, что колонизация приносила в междуречье Оки и верхней Волги преимущественно сельские массы. Благодаря этому русское и обрусевшее население Верхнего Поволжья должно было стать гораздо более сельским по своему составу, чем каким оно было в южной Руси.

Влияние природы на психологию великоросса

Нам остается отметить действие природы Великороссии на смешанное население, здесь образовавшееся посредством русской колонизации.

Великороссия XIII - XV веков со своими лесами, топями и болотами на каждом шагу представляла поселенцу тысячи мелких опасностей, непредвидимых затруднений и неприятностей, среди которых надобно было найтись, с которыми приходилось поминутно бороться. Это приучало великоросса зорко следить за природой, смотреть в оба, по его выражению, ходить, оглядываясь и ощупывая почву, не соваться в воду, не поискать броду, развивало в нем изворотливость в мелких затруднениях и опасностях, привычку к терпеливой борьбе с невзгодами и лишениями. В Европе нет народа менее избалованного и притязательного, приученного меньше ждать от природы и судьбы и более выносливого.

Своенравная природа России часто смеется над самыми осторожными расчетами великоросса; своеобразие климата и почвы обманывает самые скромные его ожидания, и, привыкнув к этим обманам, расчетливый великоросс любит подчас, очертя голову, выбрать самое что ни на есть безнадежное и нерасчетливое решение, противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги. Эта склонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великорусский авось.

В одном уверен великоросс - что надобно дорожить ясным летним рабочим днем, что природа отпускает ему мало удобного времени для земледельческого труда и что короткое великорусское лето умеет еще укорачиваться безвременным нежданным ненастьем. Это заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много в короткое время и впору убратись с поля, а затем оставаться без

дела осень и зиму. Так великоросс приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но и нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и измеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии. С другой стороны, свойствами края определился порядок расселения великороссов. [На днепровской Руси] постоянные внешние опасности и недостаток воды в открытой степи заставляли население размещаться крупными массами, скупиваться в огромные, тысячные села, которые до сих пор составляют отличительную черту южной Руси. Напротив, на севере поселенец посреди лесов и болот с трудом отыскивал сухое место, на котором можно было бы с некоторою безопасностью и удобством поставить ногу, выстроить избу. Такие сухие места, открытые пригорки, являлись редкими островками среди моря лесов и болот. На таком островке можно было поставить один, два, много три крестьянских двора. Вот почему деревня в один или два крестьянских двора является господствующей формой расселения в северной России чуть не до конца XVII века.

Жизнь удаленными друг от друга, уединенными деревнями при недостатке общения, естественно, не могла приучать великоросса действовать большими союзами, дружными массами. Великоросс работал не на открытом поле, на глазах у всех, подобно обитателю южной Руси: он боролся с природой в одиночку, в глуши леса с топором в руке. То была молчаливая черная работа над внешней природой, над лесом или диким полем, а не над собой и обществом, не над своими чувствами и отношениями к людям. Потому великоросс лучше работает один, когда на него никто не смотрит, и с трудом привыкает к дружному действию общими силами. Он вообще замкнут и осторожен, даже робок, вечно себе на уме, необщителен, лучше сам с собой, чем на людях, лучше в начале дела, когда еще не уверен в себе и успехе, и хуже в конце, когда уже добьется некоторого успеха и привлечет внимание: неуверенность в себе возбуждает его силы, а успех роняет их. Ему легче одолеть препятствие, опасность, неудачу, чем с тактом и достоинством выдержать успех; легче сделать великое, чем освоиться с мыслью о своем величии. Он принадлежит к тому типу умных людей, которые порой чувствуют себя неловко от признания своего ума.

Невозможность рассчитать наперед, заранее сообразить план действий и прямо идти к намеченной цели заметно отразилась на складе ума великоросса, на манере его мышления. Житейские неровности и случайности приучили его больше обсуждать пройденный путь, чем соображать дальнейший, больше оглядываться назад, чем заглядывать вперед. В борьбе с неожиданными метелями и оттепелями, с непредвиденными августовскими морозами и январской слякотью он стал больше осмотрителен, чем предусмотрителен, выучился больше замечать следствия, чем ставить цели, воспитал в себе умение подводить итоги насчет искусства составлять сметы. Это умение и есть то, что мы называем

задним умом. Поговорка русский человек задним умом крепок вполне принадлежит великороссу. Но задний ум не то же, что задняя мысль.

Своей привычкой колебаться и лавировать между неровностями пути и случайностями жизни великоросс часто производит впечатление непрямоты, неискренности. Великоросс часто думает надвое, и это кажется двоедушием. Он всегда идет к прямой цели, хотя часто и недостаточно обдуманной, но идет оглядываясь по сторонам, и потому походка его кажется уклончивой и колеблющейся. Ведь лбом стены не прошибешь, и только вороны прямо летают, говорят великорусские пословицы. Природа и судьба великоросса так, что приучили его выходить на прямую дорогу окольными путями. Великоросс мыслит и действует как ходит. Кажется, что можно придумать кривее и извилистее великорусского проселка? Точно змея проползла. А попробуйте пройти прямее: только проплутаете и выйдете на ту же извилистую тропу.